

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Пуля для
полпреда*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Пуля для полпреда

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Пуля для полпреда / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Убийство полпреда Президента в большой и богатой северной области выглядело простым до примитивности, нелепым, почти случайным. Подозреваемый сознался легко и быстро... возможно, слишком легко и быстро. Вот только... каким это образом пуля, выпущенная, по словам убийцы, жертве в спину, попала ему между глаз?! Кто же совершил преступление в действительности? Это, похоже, не интересует никого... кроме Александра Турецкого. Единственного, кто готов найти в потрясающем воображение хитросплетении подложных улик и ложных показаний, странных совпадений и не менее странных несоответствий тщательно спрятанную кем-то истину...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
1	6
2	12
3	14
4	16
5	18
6	21
7	24
8	30
9	32
10	35
11	36
12	39
Часть вторая	41
1	41
2	43
3	47
4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Фридрих Незнанский

Пуля для полпреда

Пролог

ПЛАНОВЫЙ ОТСТРЕЛ ВОРОН

Следствие по делу об убийстве Вадима Вершинина, полномочного представителя президента в Сибирском федеральном округе, вероятно, можно считать оконченным. Как стало известно из источников, близких к Златогорской прокуратуре, материалы по делу со дня на день будут переданы в суд. С большой долей вероятности уже сейчас можно утверждать, что убийство было непреднамеренным, более того, произошло в результате трагической случайности. В тот день, 6 мая, силами местного подразделения ОМОНа проводился плановый отстрел ворон на территории опытной семеноводческой станции «Колос», в десяти километрах от Златогорского водохранилища. Надо же было такому случиться, что машина полпреда оказалась там как раз в это время... Полпред, известный своей скромностью и истинно солдатской неприхотливостью, был без охраны, с одним водителем и ехал по проселочной дороге в обычной «Волге».

Выстрел, произведенный младшим сержантом Яковлевым, оказался роковым: пуля, выпущенная из его автомата, попала в печень, и от полученного ранения Вадим Данилович Вершинин скончался на месте. Внешне это дикое совпадение может показаться подозрительным, однако следствие неопровержимо установило именно такое положение вещей, и, надо полагать, суд закрепит это мнение своим авторитетным решением. Таким образом, международный резонанс этого скорбного события, к счастью, окажется минимальным, что важно, учитывая предстоящую довольно скоро встречу «Большой семерки». Понятно, что в глазах цивилизованного Запада любая неестественная смерть чиновника столь высокого ранга свидетельствует об изрядном бардаке в государстве, но все же, согласитесь, заказное убийство выглядело бы гораздо хуже. А так остается только вспомнить классика и пожать плечами: ну что ж, в России по-прежнему две беды — дураки с автоматами Калашникова и проселочные дороги.

«Известия», 15 июня 2001 года

Часть первая

1

22 августа. Денис Грязнов

Жара, одно слово. В такую погоду надо пить много жидкости и совершать мало движений. В мареве дрожали дома и гаишники, в смысле гибэдэдэшники. Говорят, это переименование милицейское начальство устроило из-за невыносимого количества анекдотов о гаишниках. Так разве ж их стало меньше? Вот, например.

Гаишник-отец, то есть гибэдэдэшник, будит гаишника, то есть гибэдэдэшника-сына:

«Сынок, вставай, на работу пора».

«А сколько времени?»

«Полседьмого».

«Так ведь рано еще!»

«Какой рано, они уже полчаса бесплатно ездят!»

Мимо с диким урчанием пронесся какой-то крендель в байкерских прибабасах на никелированном мотоцикле. Интересно, он был еще жив в своей броне, или, может, это такой всадник без головы и тормозов носится по столице...

Да, все-таки кондиционер — великая вещь.

Проезжая по Неглинной мимо театра «Школа современной пьесы», Денис Грязнов увидел, что афиша спектакля «Чайка» еще висит, и ухмыльнулся. Казалось бы, что такого: Чехов — он и в Африке Чехов. Ан нет. В Африке, может, и Чехов, а на Неглинной — шиш. К Чехову этот спектакль имел самое косвенное отношение. То есть имел, конечно: Треплев там, Тригорин, Аркадина, все эти субчики шлялись по сцене, как и прежде, но только несли такое... А Денис повел в этот театр знакомую барышню. Вернее, малознакомую. Так вот оказалось, что некий досужий сочинитель решил продолжить чеховскую «Чайку». В смысле — закончить. Что же там заканчивать? А оказывается, Треплев-то не застрелился от несчастной любви, его убили!

Ничего этого Денис не знал, когда потащил в театр свою малознакомую барышню. Это была журналистка одного прогрессивного издания, готовившая большую статью о московских детективных агентствах. Денису она весьма приглянулась, и он всеми силами пытался продемонстрировать свою широкообразованную, разностороннюю натуру, которую криминальные вопросы волнуют в пятнадцатую очередь.

Когда же после первой четверти часа персонажи спектакля стали истово выяснять, кто именно из них прикончил бедного Костю Треплева, журналистка посмотрела на Дениса с жалостью — как на тяжелобольного, красноречиво покрутила пальчиком у виска и гордо удалилась. Денис пьесу тоже не досмотрел и так и не выяснил, кто именно в ответе за все. Судя по тому, как развивались события, это вполне мог быть как каждый в отдельности, так и коллективный сговор — вроде как у Агаты Кристи в «Убийстве в Восточном экспрессе». А еще очень может быть, что на самом деле и Константин Треплев не убивал чайку. Может, эта несчастная птица была склонна к суициду? Может, она застрелилась?!

...Сейчас же он ехал на Петровку.

Рано утром шефу частного сыскного агентства «Глория» позвонил начальник МУРа и попросил заехать к нему на работу к одиннадцати часам. Нельзя сказать, чтобы это было совсем обычно, чаще они все же общались по телефону. После двух чашек черного кофе и контрастного душа просьбу было решено уважить: не каждому частному детективу звонят домой главные официальные сыщики столицы. Даже если они состоят с ними в родственных отношениях.

Денис опоздал на несколько минут из-за того, что, когда парковал свой джип у знаменитого здания на Петровке, немного засмотрелся на странную парочку: дорогу пересекал пожилой мужчина гренадерских кондиций, рядом с ним без поводка и ошейника бежал ротвейлер, тоже гигантских размеров. А засмотревшись на них и в который уже раз печально раздумывая (о том, что вот, мол, нужна же «Глории» подходящая собака, а лучше несколько — бойцовая, поисковая и еще какая-нибудь, да только вот кто ими будет заниматься...), Денис слегка долбанул чью-то сверкающую начальственную «Волгу» с синей мигалкой. Хорошо хоть, сигнализация не сработала. Воровато озираясь, он выскочил из джипа.

Вячеслав Иванович Грязнов большого начальника из себя изображать не любил, а потому, когда к нему заходили в кабинет, тут же опускал ноги со стола и поднимался навстречу.

— Здорово, племяш. Зачем же я тебя позвал? Маразм, маразм... А! Поехали порыбачим на выходных, что ли?

— Дядя Слава, — возмутился Денис, — мы это могли и...

— Не кипятись, — хитро ухмыльнулся Грязнов-старший, и стало ясно, что купил, купил-таки старый лис, ничего он, конечно, не забыл. — Хочу тебя об услуге попросить.

Денис не поверил своим ушам. Испокон веков было наоборот: именно Денис одолевал дядю профессиональными просьбами, да еще и неоднократно влипал в многочисленные невыигрышные ситуации, из которых его требовалось вытягивать, используя реальные рычаги власти, доступ к которым можно было получить если не через дядю, то через его лучшего соратника Сан Борисыча Турецкого. Так что слова начальника МУРа заинтриговали.

— Что за услуга?

— Хочу к тебе человечка одного на работу устроить.

— Ну вот — человечка, — скривился Денис. — Опять какой-то рахитичный папенькин сынок? Ну сколько можно, дядя Слава!

— Опять, — кивнул Грязнов-старший. — Но не его одного. Причем денег они за свою работу брать не станут. Будешь только кормить, и все.

— Ну что за бред! — Денис взялся за голову. — Я что, благотворительная столовка?

— А вот, кстати, и они.

И в дверном проеме образовались монументальные фигуры. Денис даже вздрогнул. Это были давешний гренадер и собака. Теперь Денис разглядел обоих внимательней. Мужчина был совершенно лыс, что почему-то затрудняло определение возраста (хотя, пожалуй... ну за пятьдесят, не меньше), зато придавало ему определенное сходство с красными командирами эпохи тридцатых годов — эдакий маршал Блюхер. Ростом Блюхер был под два метра, а весил уж никак не меньше ста двадцати килограммов. И без живота. И, судя по всему, в неплохой физической форме, на улице жара — тридцать пять в тени, а у этого амбала ни капельки пота на лбу. Собака выглядела не менее впечатляюще. Черно-подпалый с резко очерченными красно-коричневыми отметинами самец внимательно смотрел на Дениса высоко посаженными темными глазами с плотно прилегающими веками. Уши у него были треугольной формы, продолжали линию лба и зрительно ее расширяли. А вот пасть... пасть просто жуткая, во все сорок два зуба, и нечего ее описывать. Убийца, одним словом, ротвейлер, что с него взять.

— Яковлев, — представился собачий хозяин неожиданно тихим голосом. Впрочем, голос был, пожалуй, из тех, что заставляли смолкать другие.

— Мы с Николаем Ивановичем знакомы лет двадцать, наверное. Когда-то вместе в МУРе работали. Потом он уехал к себе на родину — в Златогорск...

— Куда-куда? В Златогорск? — переспросил удивленный Денис. — Бывают же в жизни совпадения.

— ...И там в уголовном розыске работал, — продолжал Грязнов-старший. — Вышел в отставку, вернулся в Москву несколько лет назад. Собаку, видишь, знатную завел. И, кажется, заскучал. Все правильно, не вру?

Яковлев кивнул и продолжил сам:

— Дело так было. Я уже думал: все, обустроился — домик в Зеленограде купил, пса вот своего тренировал. Хорошо. Но все прахом пошло после футбола.

— Футбола? — удивился Денис. — Почему — футбола?

— Тут особая история. Николай Иванович — болельщик.

— Все мы болельщики, — пожал плечами Денис.

— Все — болельщики, а он — Болельщик, — поправился Грязнов-старший. Бывают, знаешь, спортсмены великие, а вот он болельщик — такой же. Когда-то сам играл знатно, но не в этом суть. Коля, расскажи сам.

— Да нечего рассказывать. Вся моя жизненная идиллия лопнула как мыльный пузырь после трех футбольных матчей. Сначала «Черноморец» спартачей разул в «Лужниках» — 4:1. Потом в тот же день ЦСКА саратовскому «Соколу» сдул, а «Динамо» — «Ростсельмашу». Оба 0:3. И так мне тошно стало. А я ведь в Москву-то из-за большого футбола перебрался. И не старый же еще мужик. Делать кое-что могу. Собачку вот натренировал. Короче, работа нужна. Настоящая.

— Денис, — снова встрял Вячеслав Иванович, — ты же сколько ныл, что тебе собака хорошая требуется, а тут такое сокровище само в руки прет. Не упускай шанс!

— Ну уж и сокровище, — засомневался Денис. — Что она делать-то может?

— А что надо? — быстро спросил Яковлев.

— Допустим, найти что-нибудь. Ну, скажем, наркотики.

— У меня сосед на даче коноплю выращивал. Прямо в яблоневом саду умудрился, Мичурин. Урожай собрал, землю перепахал, саженцы досадил, как не было ничего. Но кто-то позвонил куда требуется, его сдал. Приехала оперативная бригада. Все перерыли — не нашли. Уехали. Я подумал-подумал и через день-другой Артуза к нему в сад тихонько запустил. Он побегал-побегал, потом стал посередине, морду к небу задрал, и все, не сдвинешь. Оказалось, конопля прямо на деревьях висела, в листве, в яблоках.

— Как — в яблоках?! — ужаснулся Денис. — Это ваш Мичурин такой сорт вывел?!

— Да нет. Это муляжи были, раскручивались, внутри — полые. Но с трех шагов не различишь — яблоки и яблоки.

— А что за кличка — Артуз? — спросил Грязнов-старший.

— Чекист такой был, знаменитый. Артузов. Уж тот впивался в глотку так впивался.

Ага, все-таки есть у него склонность к символике тридцатых, не без удовлетворения отметил про себя Денис, а вслух спросил:

— Что это он у вас без намордника, без ошейника. Ведь запрещено же.

— Это ничего. Умная скотина, — спокойно объяснил Яковлев.

— Ну так что, Денис, хлопайте по рукам и начинайте работать, — не то спросил, не то предложил Грязнов-старший.

— Не знаю, не знаю, — поскреб подбородок Денис, про себя отметивший, что у дяди какой-то странный взгляд, раздваивающийся: на племянника он смотрел с гордостью, на Яковлева — с некоторой грустью. Ну что ж, оно и понятно, сочувствует дядя Слава бывшему коллеге: не сложилась карьера.

— Вячеслав Иванович, — сказал вдруг взволнованный голос секретарши по внутренней связи, — даже не знаю, как сказать...

— Да говори как есть, — благодушно откликнулся Грязнов.

— Только что с наружной охраны позвонили, передали, что кто-то вашу машину помял.

— Ах, стервецы, — взревел Грязнов, — новая ж совсем тачка была!

— Ну поехали, что ли, Николай Иванович, — деловито и упруго поднялся Денис. — Дел невпроворот.

...Денис вез Яковлева в свой офис. Артуз сидел на заднем сиденье как сфинкс. Впрочем, по количеству эмоций хозяин не слишком от него отличался.

— Раз уж вы так рветесь в бой, Николай Иванович, есть работа. Вчера я получил анонимный заказ: надо найти один грузовик...

— А как это — анонимный заказ? — поинтересовался Яковлев. — Он что, с голубиной почтой прилетел? Или под дверь подбросили?

— Вроде того, — улыбнулся Денис. — С электронной почтой он прилетел.

— Тут я не помощник. В этих компьютерных делах я точно ни черта не понимаю, — признался Яковлев. — А по обратному адресату заказчика отследить можно?

— Этот адресат может сидеть в соседнем подъезде, а может — в Антарктиде. Но тут вам мне помогать и не требуется. Ваши функции вам хорошо знакомы — оперативно-розыскные.

— Понятно. Анонимный заказ, что дальше?

— После того как я ответил согласием, уже через три часа на наш счет поступил аванс. Это нечто! Чтобы иметь возможность так оперативно действовать, надо действительно что-то собой представлять.

— Что за грузовик будем искать? — Яковлев, казалось, ко всем этим тонкостям никакого интереса не проявил.

Денис заглянул в бумаги:

— «Мерседес-Бенц АГ» нового поколения, семейство машин «Актрос», совершенно зверская машина, четыреста семьдесят лошадиных сил.

— Сколько?!

— Даже четыреста семьдесят одна! — вошел в раж Денис. — Кстати, лучший грузовик 1997 года. Бортовые компьютеры. Гидравлический механизм опрокидывания кабины. Принципиально уменьшенный расход топлива. Кузов синего цвета. Номерной знак NS 727 65. Якобы со стройматериалами. Должен был четыре дня назад выйти из Москвы в ваш родной Златогорск. Выхав из Москвы, водитель должен был регулярно сообщать о своем продвижении к Златогорску, но ни одного звонка так и не поступило.

Яковлев поднял бровь и этим ограничил степень своего удивления.

— Так что сам Бог велел вам, Николай Иванович, со мной поработать. Знак свыше. Что в грузовике на самом деле — неизвестно. За рулем должен быть некто Виктор Афанасьевич Ключевский, примерно двадцати четырех лет. Вот снимок вашего земляка. — И Денис продемонстрировал распечатанное на принтере фото молодого смеющегося мужчины.

Яковлев задумался. Долго рассматривал фотографию под разными углами, хмурился, словно пытался вспомнить что-то очень важное, наконец неохотно сказал:

— Нет, похоже, не встречал. Хотя и знакомая вроде фамилия.

— Историк такой был. Ключевский неделю назад вылетел из Златогорска, а грузовик должен был его ждать в Москве. Но теперь нет грузовика и нет Ключевского.

— Да про историка-то я слышал. А этот не историк... Что про него известно?

— Есть адрес, где он должен был остановиться, — гостиница «Союз», номер оплачен, это на северо-западе, в районе Речного вокзала. Ключевский там вовсе не появлялся.

— А почему вообще — анонимно?

— Не понял?

— Почему бы заказчику не объявить официальный розыск этого Ключевского?

— Да откуда ж можно знать. Хотя с другой стороны, отчего и не предположить. Во-первых, потому что долго. А во-вторых, да просто не хочет хозяин груза светиться, вполне может быть, что и правда стройматериалы, — например, для ремонта загородного особняка, небось за бюджетные денежки его мастырит. Или что-то в подобном роде. Для таких деликатных вещей частный сыск вообще-то и существует.

— А второй водила? — вдруг сказал Яковлев.

— В смысле?

— На такие расстояния без сменщика обычно не ездят.

— А ведь верно! В таком случае думаю, что второй водитель — это тот, кто пригнал грузовик в Москву.

— Стоп-стоп. Почему — пригнал? Разве мы это знаем наверняка?

— Наверняка мы знаем, только куда машина должна прийти, а вот откуда она взялась... — развел руками Денис и тут же схватился за руль — навстречу пронесся тот самый утренний мотоциклист.

— Вот именно. Откуда-то же она взялась. Если бы узнать откуда, то, может, и удастся вычислить, кто второй водитель, а там — и до первого рукой подать.

— Ну-уу... Может, Ключевский до грузовика и вовсе не добрался. Пока что нам надо проследить его путь. Вот что известно? Он прилетел в аэропорт Домодедово 16 августа, а куда дальше делся? Поехал в гостиницу, надо полагать? Тоже, вероятно, не доехал.

— У этого Ключевского знакомые в Москве есть?

— Если б знать, — вздохнул Денис. — Вот вы, кстати, тоже из Златогорска.

— Златогорск — миллионный город. А если найти там его родню, выяснить у них его московские планы?

— Они перепугаются, и тогда точно начнется официальный розыск. И — кранты нашей работе. Так не пойдет... Николай Иванович, но вы же там работали в милиции, наверняка остались какие-то связи, может, попробуете с этого конца сами?

— Вообще-то я оттуда не слишком мирно уходил, — после небольшого раздумья признался Яковлев. — М-ммм... не хотелось бы.

— Я почему-то так и подумал. Черт возьми, это похоже на какой-то тест, — вдруг разозлился Денис. — Словно нас кто-то проверяет. Причем, что странно, за хорошую стипендию. Ладно, выбросим это из головы. Итак, разобьем проблему на две части. Где искать грузовик и где искать человека.

— С грузовиком-то проще будет. Станции техобслуживания. Авторемонтные базы.

— «Мерседес» — на совковой автобазе? Вряд ли, — не согласился Денис. — Только в том случае, если его прячут. Но пока что не исходим из такой предпосылки. Иначе вообще с ума сойдем.

Яковлев ничего не сказал, но было видно, что сомневается.

— Что еще остается?

— Специализированные мотели. Все это обследовать — жизни не хватит.

— Кстати! — подпрыгнул Денис. — Номер в «Союзе» для Ключевского оплачен на неделю вперед, значит, не исключалось длительное техобслуживание, значит, машина эта тоже не в Москве родилась, значит, надо проверить таможенные терминалы.

— Кошмар.

— Кошмар, — согласился Денис.

— Там же никогда не дадут такой информации.

— Не дадут. Но у меня есть кое-кто, помогут. Значит, так и разделимся: я возьмусь за «мерседес», вы — за Ключевского. Отлично!!! Поезжайте завтра в Домодедово, найдите там вот этого человечка. — Денис достал из бумажника визитку. На визитной карточке было написано «Грачев Даниил Игоревич. Начальник таможенной смены аэропорта Домодедово». — Работая в сфере неофициального розыска, хорошо везде иметь друзей.

— Почему завтра?

— Потому что сегодня не его смена. Найдете Ключевского на видеосъемке — посмотрите, может, его кто-то запомнил из персонала или какая другая зацепка, ну сами разберетесь. И не забывайте несколько раз в день «Союз» проверять, может, Ключевский там все же объявится. Ну и морги и больницы само собой.

— А милицейские сводки за это время мы сможем получить? Это же самое элементарное, а вдруг мужика просто забрали за что-нибудь?!

— Уже. Не значит. Все, приехали, вылезайте.

— Это же, кажется, Сандуновские бани? Мыться будем? Такая традиция: перед каждым новым делом вы с друзьями идете в баню?

— Работать будем, — буркнул Денис. — Офис на другой стороне.

2

«Дорогой дядя Коля! Здравствуй, неблагодарный сукин сын. Надеюсь, ты читаешь эти строчки и кипишь от злости. А впрочем, зря надеюсь, тебя всегда непросто было вывести из себя. Но я же стараюсь, черт возьми. Ты не можешь этого не признать.

Сегодня мне приснилось, как мы ходили с тобой на футбол. Ты рад? Я проснулся весь в поту. Или это был хоккей? Один черт, я никогда не разделял твоих болельщицких пристрастий. Эти шайбы или мячи, трава, лед — один хрен, здоровенные лбы, почти раздетые или, наоборот, завернутые в свитера, нагоняли на меня непроходящий ужас. А рев, поднимающийся после забитого мяча (или шайбы?), закладывал мне уши. Я ненавидел футбол (да и хоккей) почти так же страстно, как ты его обожал.

Но мне все равно приходилось с тобой туда таскаться, поскольку ты считал, что такие зрелища укрепляют мой мужской дух. А дух укреплять было необходимо, поскольку тело грозило вырасти выше средних кондиций — и надо было ему соответствовать. Ведь все мужчины в нашей семье были под два метра, у тебя вот 197 см, а мой отец, по рассказам матери, да и судя по фотографиям, перемахнул этот рубеж. Но я дотянул всего лишь до 192 см, к твоему огромному разочарованию. Для баскетбола с волейболом это был уже вполне заурядный рост.

Правда, после того как окончательно выяснилось, что игровые виды не моя стихия, ты отдал меня в секцию вольной борьбы, помнишь? На втором занятии мне сломали ключицу. Но тебя это не остановило. Пришел черед плавания и легкой атлетики. Ну что ж. Воды я боюсь до сих пор. И кстати, уж не знаю почему, у меня хронический насморк. Что касается умения быстро бегать, то не слишком-то оно мне пригодилось в жизни, учитывая нынешние обстоятельства, верно?

А помнишь, как моя несчастная мать-библиотекарша просила тебя оставить мальчика в покое, а ты говорил, что книжки до добра не доведут и настоящего мужчину из него не сделают? Мать плакала и умоляла тебя вспомнить хотя бы о шахматах. Что ж, надо сказать честно, против шахмат ты ничего не имел, но только после тренировки по легкой атлетике (ты рассматривал меня в качестве прыгуна с шестом) и по плаванию (тут ты питал олимпийские надежды в стиле баттерфляй). Хорошо бы перепрофилировать парня на регби, мечтал ты, а я мечтал, чтобы ни одна твоя мечта не сбылась. Почти так и вышло.

Хотя опекал ты меня на совесть. Небось считал, что обязан именно так поступать по отношению к единственному сыну своего покойного брата. Ты же у нас человек долга. Если бы ты знал, как я тебя презирал всю жизнь за твое чувство долга и все твои прочие казенно-патриотические чувства. И за неспособность к простым, обыденным чувствам.

Потом еще были попытки сделать из меня гребца (академического), боксера (полутяжеловеса), что еще, все сразу ведь и не вспомнишь. Но как ты помнишь, к 16 годам ты окончательно во мне разуверился — и я наконец-то обрел долгожданную свободу. Наслаждался я ею недолго — всего два года, потом, тебе на радость, — служба во внутренних войсках, а к тому времени, когда я вернулся в Златогорск, ты сделал мне самый роскошный подарок (о таком я боялся даже мечтать): перебрался в Москву.

Последний раз мы виделись два года назад, на похоронах матери, ты прилетал продемонстрировать родственные чувства, а я тогда еще служил в армии, получил отпуск.

И вот я жил себе спокойно, ходил на службу и в самом страшном сне не мог подумать, что захочу тебя видеть, но что же мне теперь делать?! К кому мне обратиться?! И как подумаю о своей семье... Подставили меня! Козла отпущения сделали! Не убивал я, слышишь, не убивал!

Ради бога, ради моего отца, да, вот именно ради него, ради того, кого уже давно нет на свете и кому ты до сих пор должен... сил же никаких нет терпеть, милый дядечка, забери меня отсюда!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Твой несчастный племянник Игорь».

3

Денис Грязнов

В такую жару хорошо было пить охлажденный красный чай — каркаде. С лимончиком. И думать о пустяках. И слушать ненавязчивую музыку. Скажем, Филиппа Гласса или там Сюзен Вегу, а можно и... ладно. Думать совсем уж о пустяках, правда, не получалось, поскольку приходилось размышлять, как бы поизящней закосить от вызова в суд. На прошлой неделе случилась накладочка. Выслеживая молодую супругу одного думского деятеля по его ревнивому заказу, Денисов сотрудник слегка превысил полномочия, ну и... неважно. Короче, теперь надо было в суд. Вернее, не надо бы. А вот еще такая незатейливая мыслишка пришла: а что бы завести себе собаку! Теперь вот и консультант подходящий под рукой. Большую собаку, конечно, не стоит, одного мяса на прокорм — это ж с ума сойти, а вот что-нибудь поизящней, скажем, таксу охотничью...

И тут же, после легонького стука в кабинет, вошел Яковлев, легок на помине. Вслед за ним — Артуз, лег на пороге.

— Узнали в аэропорту что-нибудь? — справился Денис.

— Не был я там еще, — глядя куда-то в сторону, ответил Яковлев и вдруг ни к селу ни к городу: — Денис, у вас есть хороший юрист?

— Все мы тут юристы в каком-то смысле, — лениво протянул Денис. — Хотите чаю со льдом?

Яковлев отрицательно покачал головой:

— Я ищу адвоката по уголовным делам.

— Смотря для кого.

— Для меня.

— Что-то случилось, Николай Иванович? — встревожился Грязнов-младший. — Вы же только начали работать, собственно, и не начали еще, когда успели влипнуть?!

— Не я сам, — тяжело вздохнул Яковлев. — Хотя уж лучше бы я. Племянник отличился.

— Что же он натворил?

— Шлепнул одного чиновника.

— В смысле... убил? — приподнял брови Денис. — Вот же ж черт... Искренне вам сочувствую, Николай Иванович. Да, дела. Ну, в общем, есть знакомый адвокат, Юра Гордеев. Он дока в своем ремесле, в Генпрокуратуре когда-то работал. Поможет. Но только, конечно, если там вообще что-то можно сделать... А что за чиновник был? Это здесь, в Москве, случилось? Авария, наверно, да? Или сбил пешехода? Расскажите, как произошло. Я тут недавно сам об одну «Волгу» приложился, — пожаловался Денис. — Ну да неважно.

— В Златогорске это было, — покачал головой Яковлев. — Только племянник мой пешком шел. А вот тот второй — да, как раз в машине ехал.

— Не понял, — наморщил лоб Денис. — Если убитый ехал в машине, а ваш племянник шел пешком, как же тогда...

— А он его застрелил из автомата, — хладнокровно пояснил Яковлев. — Это был полномочный представитель президента в Сибирском федеральном округе.

Денис слегка стукнулся зубами о кружку. Аккуратно поставил ее на стол, но все равно немного расплескал прохладный красный чай. И вдруг вспомнил странный взгляд своего дяди, который он истолковал неверно. Вот в чем дело. Не удавшейся карьере Яковлева сочувствовал Вячеслав Иванович — уж для него-то это никогда критерием не было, даром что генерал-майор, — а вот этой истории с племянником, то-то и на него, на Дениса, с некоторой гордостью посматривал. Так что же, дядя Слава, когда Яковлева с псом подсовывал, уже знал, что тот с такой просьбочкой обратится? И ничего не сказал?! Да нет, не может быть, не в его

стиле. И потом... Стоп! Да ведь это давно же было, припомнил Денис, да и, кажется, именно Яковлев там фигурировал, младший сержант, что ли — шумная же история, во всех газетах, по ящику... месяца два прошло, не меньше, скорее больше. Так почему же он только сейчас спохватился?

— Я письмо от племянника вчера получил из колонии, — словно прочитав мысли Дениса, объяснил Яковлев. — Пишет, зря его посадили, просит помочь. Очень просит.

4

Н. И. Яковлев

В юрконсультации № 10, на Таганской, 34, Яковлев был через час после разговора с Денисом. Гордеев ему не понравился еще до того, как открыл рот. Щеголь какой-то — в такую жару в костюме, галстуком себя душит. С другой стороны — адвокат же, надо производить...

Щеголь разложил перед собой две папки и перекладывал из одной в другую немногочисленные документы, автоматически задерживая взгляд в необходимых местах, у Гордеева давно уже выработался этот рефлекс. Это были, собственно, и не документы в юридическом смысле слова. Информация адвокатом пока что черпалась из писем и газетных статей.

— Итак, в июле текущего года Игорь Яковлев осужден за убийство полпреда Вершинина, — стал подытоживать Гордеев. — Помню-помню. Скандальная история. Убийство такого высокого человека. Личный друг президента и все такое. Дело, конечно, было на контроле у кого угодно. Ну и...

— Случайное, — сумрачно произнес Яковлев.

— Простите?

— Случайное убийство.

— Ну да. Непредумышленное. Насколько я понимаю, в суде было доказано, что Вершинин убит пулей, выпущенной из табельного АК-47. Игорь Яковлев, когда его вскоре задержали, был с «калашниковым». Плановый отстрел ворон ОМОНОм. Вот и отстреляли. Ваш племянник полностью признал и это в частности, и свою вину вообще. Но теперь отчего-то все изменилось, он пишет из колонии жалобы, в которых отказывается от своих показаний. И утверждает, что сидит за чужое преступление. Правильно?

— Да.

— Так он стрелял или не стрелял?

— Не знаю.

— Ладно, пока оставим это. Как можно понять из его жалоб, он уверяет, что подвергался давлению в ходе следствия. — Гордеев поправил узел галстука. — А теперь, значит, больше не подвергается?

— Выходит, так. — Яковлев почесал голый череп здоровенной пятерней.

— Но на его жалобы, конечно, приходят только прокурорские и судейские отписки типа «оснований для пересмотра дела не усматриваем», — философски предположил Гордеев. — Так обстоит дело?

— Вот именно.

— Увы, это обычная история. Я отписки имею в виду, — пояснил адвокат. — Николай Иванович, ну а когда вы-то узнали обо всем этом?

— Об убийстве Вершинина? Когда и все. На следующий день по телевизору увидел. Там в новостях сразу сказали, что подозреваемый задержан чуть ли не на месте преступления, но я, конечно, и думать не мыслил, что это наш Игорь. Узнал опять-таки из газет или радио, телевизора, не помню уже. Через неделю, что ли, фамилию назвали. Позвонил сразу его жене, хотел уже лететь в Златогорск, но она меня предупредила, что парень не захочет меня видеть, даже если свидание разрешат. Да и вообще, мы с ним не очень... — Яковлев нахмурился.

— Значит, если я правильно понял, на тот момент вы решили не принимать участия в судьбе племянника?

Молчание.

— Однако же вы ему верите.

— Как вам сказать, — покачал головой Яковлев. Он невероятно упрямый парень. Упрямство, как бы это сказать, компенсирует ему некоторый дефицит жизненной силы. Да и дру-

гих недостатков хватает. Но вот чтобы по части вранья... Этого за ним не замечалось. Верю, короче. Надеюсь, что верю, так будет точнее. Раз уж он сам о помощи просит...

— Расскажите о нем подробнее.

Яковлев нахмурился, и огромный лоб пересекли несколько вертикальных морщин.

— Непросто это говорить. Я опекал его с детства. Но что-то, может, не понимал в нем. Не сложилось у нас по-родственному.

— Родители у него есть?

— Мать умерла несколько лет назад. А отец его, мой брат, — уже давно, тому уж лет пятнадцать.

Что-то в лице Яковлева заставило Гордеева задать следующий вопрос:

— Кем он был, отец Игоря?

— Мы вместе с Алексеем работали. Погиб он. При исполнении, так сказать, — хмуро выдавил Яковлев, и стало ясно, что ничего больше не скажет.

Гордеев сменил тему:

— А как относительно баллистической экспертизы?

— Насчет того, что пуля из его «калашникова»? Я и сам ни черта не пойму. В письме его об этом ни звука! В газетах же так написано, что трактовать можно как угодно, прямо зло берет, не знаешь, что и думать. Вот, пожалуйста, еще вариант:

«... Полномочный представитель президента погиб в результате неосторожного обращения с оружием старшего сержанта ОМОНа Яковлева».

Теперь он уже старший сержант, оказывается. Ну и что из этого следует? Если пулю нашли, то экспертиза, конечно, была, а если была, то...

— Экспертиза в любом случае была, нашли или не нашли, — перебил Гордеев. — Ну а по газетам ни о чем судить нельзя в таких случаях. Но все на самом деле неважно. По-настоящему пока что меня занимает только один момент: и следствие, и суд прошли в неправдоподобно короткие сроки. Просто стахановцы какие-то. Не могу не порадоваться за наше правосудие. А в каких отношениях состоял ваш племянник с покойным полпредом?

— Как это — в каких?! Ни в каких, конечно. В смысле — я об этом ничего не знаю, — поправился Яковлев. — Не думаю, чтобы они были знакомы, не слышал об этом.

— Как часто вы общались со своим племянником?

— Да уже несколько лет не общался.

— У вас неважные отношения, помню. — Гордеев стряхнул пылинку с правого плеча. — Так почему вы думаете, что вы в курсе всех его знакомств?

— Да ничего я не думаю! Просто странно все это. Откуда простому омовцу знаться с птицей такого полета?!

— Стрелял он хорошо?

— Понятия не имею. Вообще-то он спортом много занимался, но вот стрельбой, по крайней мере до армии, — нет, не было такого... И зачем это вы мне такие вопросы задаете? — разозлился Яковлев.

— Все-таки застрелить человека в проезжающей машине — это надо уметь, это не в тире из мелкашки по детским мишеням шмалеть. Потом, мы еще не знаем...

— Так сказано уже, что случайно!

— Ага, значит, все-таки это он застрелил Вершинина! — на глазах оживился Гордеев.

— Послушайте, Юрий Петрович, вы адвокат или следователь? — удивился Яковлев. — Игорь пишет, что ничего этого он не совершал. Будете братья за его дело, говорите прямо! Или мне искать другого адвоката? Если его правда подставили, я этого так не оставлю.

Гордеев стряхнул невидимую пылинку с правого плеча.

— Ладно, решено. Съезжу к вашему парню в колонию, поговорю. Надо его послушать, а то мы будем как слепые котят. По крайней мере, это я вам обещать могу. А дальше посмотрим.

5

К. Д. Меркулов

Генпрокурор вызвал Меркулова в конце рабочего дня — немедленно по возвращении из администрации президента. Меркулов знал, что генеральный собирался в Кремль с регулярным отчетом только послезавтра, но утром из администрации был звонок: президент перенес дату отчета на более ранний срок, — и в результате Константину Дмитриевичу пришлось в пожарном порядке дорабатывать свою часть: справку о состоянии дел с расследованием особо опасных преступлений и соответствующий раздел аналитической записки по судебной реформе.

Генеральный начал торопливо, как только Меркулов вошел в кабинет, не дождавшись, даже пока тот усядется, как будто информация обжигала его и он спешил поскорее от нее избавиться.

— Сегодня я говорил по телефону с полпредом президента в Сибирском федеральном округе Сергеем Шангиным. У него возникла проблема, и президент просил меня оказать ему содействие. Вы, Константин Дмитриевич, наверняка помните, что предшественник Шангина на этом посту Вадим Данилович Вершинин погиб в результате несчастного случая в мае этого года. И вот недавно в Златогорске распространились слухи, что смерть Вершинина была не вполне случайной. Якобы Вадим Данилович рыл яму другому... Якобы он сам готовил покушение на себя с целью скомпрометировать местную власть и представителей местного бизнеса, чтобы добиться от Москвы санкции на проведение «чистки» в регионе и всюду рассадить верных себе людей. Вот так, Константин Дмитриевич!

Произнеся тираду на одном дыхании, генеральный надолго замолчал, словно избавился от тяжелой ноши, передав ее по эстафете — Меркулову.

Меркулов тоже сосредоточенно молчал, прекрасно осознавая, что шеф произнес лишь вступительное слово, что он не может или не хочет четко сформулировать задачу, что сейчас он пустится в разглагольствования и что любой преждевременно заданный вопрос приблизит генерального к очевидной цели: перевалить ответственность непонятно за что на него, Меркулова.

Что значит — президент просил оказать содействие своему полпреду Шангину? Содействие в чем? Возбудить дело по факту клеветы? По факту нанесения морального ущерба родственникам Вершинина? Если все так просто, почему Шангин не может решить вопрос на месте, в Златогорске? Почему он посчитал эти слухи проблемой всероссийского масштаба, почему президент с ним согласился и в свою очередь решил, что дело подведомственно Генеральной прокуратуре? Если весь вопрос в отыскании клеветника без придания делу огласки, то это — задача из задачника для ФСБ. Или президент полагает, что распространяемые слухи — чистая правда, и хочет публично вымести сор из избы? Тогда круг замыкается: почему цель сформулирована столь расплывчато: «оказать содействие Шангину»?

— Президент крайне неудовлетворительно отзывался о нашей работе, — сказал генеральный, не дождавшись от Меркулова наводящих вопросов. — В частности, подверг резкой критике представленный мной доклад. В частности, нет — в особенности разделы, за которые отвечали вы, Константин Дмитриевич! Он указал, и мне нечего было ему возразить, что уровень доверия граждан к Генеральной прокуратуре низок как никогда. А в наше смутное время прокуратура — один из важнейших институтов государства. Никто не требует от нас немедленного решительного прорыва в увеличении раскрываемости или приведении следственной практики к мировым стандартам. Любой здравомыслящий человек понимает, что это дело не одного и не двух лет. Однако двигаться в данном направлении мы обязаны. И если пока не в состоянии своим высоким авторитетом способствовать укреплению государственности, то,

по крайней мере, должны сделать все от нас зависящее, чтобы оказать содействие укреплению президентской вертикали власти, таким авторитетом обладающей! Вы это понимаете, Константин Дмитриевич?!

Меркулов коротко, но со значением кивнул. Они опять поиграли с генеральным в молчанку, и второй раунд тоже остался за ним.

— Вы представляете себе, Константин Дмитриевич, всю сложность проблемы? Полномочные представители президента существуют практически в правовом вакууме, во всяком случае — в сильно разреженной среде. Но не в силовом! Они являются одной из вершин силового четырехугольника: губернаторы — полпреды — администрация президента — президент. Причем только последний оказывает им хоть какую-то поддержку. С губернаторами все понятно, полпреды должны их потеснить, чтобы уместиться рядом на одном княжеском троне, но и в президентской администрации не лучше — там засела старая гвардия. И ежу понятно, чем она озабочена: спускать на тормозах любые начинания, чтобы показать свою силу и незаменимость! Продемонстрировать всем и вся, что без этого бюрократического звена государственная машина работать не может! Реальных властных рычагов нет у Шангина, и у Вершинина не было. Какие аргументы он мог предъявлять губернаторам? Тому же губернатору Златогорской области Соловьеву? Угрожать карающей «рукой Москвы», которую он может направлять? Получается, что слухи выглядят весьма правдоподобно. Если дело получит широкую огласку, институт полномочных представителей будет еще раз скомпрометирован. С другой стороны, если за этим кроется что-то реальное и мы неуклюже все замнем, будет еще хуже. Есть силы, которые не позволят спустить дело на тормозах и попытаются интерпретировать наши действия в выгодном для себя свете.

Генпрокурор сделал очередную паузу, и Меркулов в очередной раз многозначительно кивнул.

— Почему вы все время молчите, Константин Дмитриевич?! — взорвался Генеральный. — Думаете, это вас не касается?

— Я думаю, вопрос слишком щепетильный...

— Давайте начистоту, Константин Дмитриевич! Вы считаете: поскольку вопрос щепетильный, пусть голова болит у начальства?! А сами надеетесь переждать бурю в тихой гавани?! Зря надеетесь. Если мы провалим дело, вам достанется на орехи не меньше моего.

— Я думаю, — повторил Меркулов, — что вопрос щепетильный, поэтому тот, кто отказывается четко обозначить свою позицию и отделяется общими фразами, стремится перевалить ответственность на подчиненных. Если начистоту.

— Президент просил меня, — с пафосом произнес генеральный, — самым тщательным образом во всем разобраться и решительно оградить имя Вершинина от этой грязи. Ибо он абсолютно убежден, что покойный Вадим Данилович был человеком кристально честным. Это достаточно четкая позиция?!

— Президент абсолютно убежден, но просит нас самым тщательным образом разобраться. Если это четкая позиция...

— Не передергивайте, — перебил его генеральный, — не надо, Константин Дмитриевич! Президент убежден, что Вершинин был — заметьте: был, — а не оставался кристально честным человеком. Вадим Данилович всю жизнь проработал в столице, а Сибирь — это вам не Москва! — Он недовольно посмотрел на Меркулова. — Что вы мнетесь, как барышня на первом балу, спрашивайте! Я же вижу, что у вас что-то вертится на языке!

— Вы обсуждали с президентом все эти лингвистические нюансы или это ваша личная интерпретация его слов?

Генеральный поднялся, подошел к окну и, повернувшись к Меркулову спиной, произнес с расстановкой:

— Нужно все сделать, во-первых, легально. Во-вторых, законно. В-третьих, не привлекая, по возможности, ненужного внимания. И, в-четвертых, ненавязчиво.

— Иными словами, нам необходимо расследовать некое связанное с этими слухами дело, чтобы выйти на них случайно и на законных основаниях — соблюдая тайну следствия — не упоминать про них, пока не выясним, кто и с какой целью их распространяет. А «ненавязчиво» означает, что инициатива расследования должна первоначально исходить не от Генеральной прокуратуры.

Генеральный обернулся:

— С этого надо было и начинать, Константин Дмитриевич! Что же вы мне полчаса голову морочили?! Завтра в девять жду ваших соображений.

6

23 августа. Н. И. Яковлев

Конечно, знать бы, что все так обернется.

Не надо было Грязновых напрягать. Пришел на работу, а работать теперь ни сил, ни желания. Самому надо бы и в колонию ехать, и в Златогорск, самому во всем разбираться. Много ли проку от щеголя Гордеева?

А с другой стороны, может, и будет прок, раз Денис ему доверяет. Может, и будет...

Яковлев решительно прекратил думать о судьбе племянника. В конце концов, в данный момент он для него ничего сделать не может. Пусть Гордеев по крайней мере достанет материалы дела, пусть поговорит с Игорем, там видно будет. А пока взялся за гуж, не говори, что не дюж, надо работать. И по дороге в аэропорт Домодедово Николай Иванович размышлял уже только о пропавшем Ключевском. Какая, собственно, может быть зацепка в аэропорту? Чем Ключевский мог запомниться персоналу (надо еще, чтобы здорово повезло — найти смену, которая работала во время его прилета), разве что он открыл там стрельбу?!

Грачев неправдоподобно обрадовался, узнав, что неожиданный гость пожаловал с визитом от Дениса Грязнова, и сделал Яковлеву короткую экскурсию. Съемка в Домодедове велась на совесть. Каждый выход с таможенного контроля подвергался «обстрелу» трех видеокамер. Получалось так, что каждого пассажира снимали слева и справа, а также сверху — по направлению к выходу к встречающим. Грачев завел Яковлева в операторскую, где хозяйничал длинноволосый молодой человек в зеленых очках, которому было приказано «всячески содействовать».

Из Златогорска каждый день было три рейса. Два самолета прилетали днем с интервалом в полчаса, и еще один — в половине восьмого вечера. Правда, чуть ли не одновременно с каждым из этих рейсов в Домодедово прилетало еще с десятков самолетов, а кроме того, один из дневных златогорских рейсов пять дней назад изрядно задержался, так что, считая все таможенные проходы и все видеокамеры, Яковлеву пришлось бы отсмотреть почти пять часов совершенно однообразной съемки, чтобы увидеть всех прилетевших в тот день из Златогорска в столицу. Вот человек проходит, ставит сумку на транспортер, вынимает ее, открывает, показывает содержимое таможеннику, следующий... И снова. И снова. И снова...

Длинноволосый очкарик, объяснив Яковлеву, куда и как жать в каких случаях, благополучно заснул.

Все-таки ускоренный просмотр — гениальное изобретение цивилизации. На исходе второго часа съемок на экране появилась череда утомленных и вытянутых физиономий — пассажиры опоздавшего рейса (рейс был транзитный, пять часов они провели в Екатеринбурге). Среди них Яковлев усмотрел вдруг смутно знакомый мордоворот, лениво переставляющий ноги в кожаных штанах, по спине его шлепал чехол с гитарой. Но мало ли... А вот когда в череде этих хмурых лиц появился улыбающийся молодой человек в совершенно немыслимой гавайской рубашке, Яковлев уже ни секунды не сомневался и не смотрел на фотографию.

Стоп-кадр. Ключевский!

Длинноволосый очкарик был немедленно разбужен.

Теперь, синхронизируя время прохода Ключевского через таможню с видеокамерой, фиксирующей происходящее «сверху вперед», Яковлев смог немного проследить его дальнейший путь. Нет, к сожалению, Ключевского никто не ждал. Весело закинув сумку на плечо, Ключевский, вращая головой, размашисто зашагал сквозь толпу встречающих. И все?

Нет, назад — и еще раз, только медленно... Хотя, собственно, никаких шансов. Ну что, в самом деле, идти искать смену, которая тогда дежурила, совать всем под нос фото Ключев-

ского, выяснять, не наступил ли дальнобойщик кому на ногу?! И если наступил, тогда что? Ну что?!

Значит, весело закинув сумку на плечо, Ключевский, вращая головой, размашисто шагает сквозь толпу встречающих... Вообще-то толпой это назвать нельзя, так, небольшой сгусток. Да и головой Ключевский не сильно вращал, ну повернул разок, хотя вращал, не вращал — какая разница. А зачем он ее тогда повернул, раз не вращал и шел быстро, да, может, шея затекла, лучше еще раз прокрутим пленочку.

Правда, можно еще таксистов поспрашивать, это перспективнее. Главное — босса ихнего найти, договориться, чтобы дал команду, а то ведь мафия же. Если только Ключевский вообще брал в аэропорту тачку — цены же убийственные.

Итак, весело закинув сумку на плечо... Ключевский... размашисто зашагал... повернул голову...

Стоп! Он кого-то увидел? А встречающие? Еще отмотаем назад. Среди встречающих, пожалуй, выделяется толстый мужик в шортах. В руках держит табличку с надписью «Собакин». Фамилия, что ли? Смешная... Собакин, хм... Собакин. Да ведь это мордоворот в кожаных штанах с гитарой. Еще знаком показался. Точно, Лев Собакин, знаменитый бард с блатным репертуаром! Значит, толстяк встречает его, у него же нет в руках таблички «Добро пожаловать, дальнобойщик Ключевский». Но почему он тогда так меняется в лице и начинает что-то радостно орать? А ведь Ключевский заметно ускоряется и идет, по крайней мере, в его направлении.

— Вы мне можете переписать этот кусок на отдельную кассету? Я заплачу.

— Да ладно, копейки. Сделаем.

Через пять минут длинноволосый очкарик протянул готовую кассету:

— Сорри, что без коробки — дефицит.

— Да ладно, у меня вроде пакет был. — Яковлев похлопал себя по карманам. — Но пакета не было. — Ну тогда, может, газетка какая найдется...

Газетка нашлась. Длинноволосый выдернул из вчерашнего «Коммерсанта» замусоленную серединку.

Путь до центра был неблизкий, и в метро Яковлев развернул газету. Оказалось — криминальная хроника. Сам собой в глаза полез заголовок:

ДАЛЬНОБОЙЩИК ПЫТАЛСЯ ПРОВЕЗТИ В БОЛГАРИЮ 123 КИЛОГРАММА ГЕРОИНА

Почти 123 килограмма героина изъяли таможенники КПП «Капитан Андреев» на болгаро-турецкой границе у гражданина России, сообщает РИА «Новости». Рыночная стоимость этого товара составляет 11 миллионов немецких марок. Наркотики были упакованы в 241 пакетик и спрятаны в специально оборудованном тайнике в синем грузовике «Мерседес-Бенц АГ» семейства «Актрос», направлявшемся из Турции в Молдавию. Шофер грузовика арестован и передан следственным органам. Грузовик конфискован болгарскими властями. С начала года на КПП «Капитан Андреев» болгарские таможенники задержали рекордное количество героина — 901 килограмм.

А что, чем черт не шутит?! Ключевский прилетел пять дней назад. За это время не то что до турецкой — до канадской границы вполне можно допереть. Кроме того, вдруг вспомнилось Яковлеву, что когда-то читал: у Собакина в прошлом году были какие-то проблемы с наркотиками. Правда, вроде отмазали его тогда, ох уж эти люди искусства, чего им только не позволено! Ну и при чем здесь Собакин? Ну на одном рейсе летели, и что с того? Хотя кто может знать...

Яковлев вышел из поезда на первой же остановке, поднялся на улицу, это была станция «Орехово», и позвонил Денису. Однако тот не дал ему сказать ни слова, он был взбудоражен не меньше.

— Николай Иванович, представьте, весь день как дурак по станциям техобслуживания шарил, а сейчас решил передохнуть, залез в Интернет новости почитать, а там... вот слушайте!

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

На трассе М-6 произошла очередная авария, унесшая человеческие жизни.

На 915-м километре (за селом Бугры в направлении Сызрани) столкнулись «шестерка» с питерскими номерами, двигавшаяся со стороны Тольятти, и встречный грузовик «Мерседес-Бенц АГ» семейства «Актрос». Водитель и пассажир «шестерки» — сотрудники милиции Санкт-Петербурга — погибли. «Мерседес» ушел вправо и завалился набок, при этом груз не пострадал, а водитель «Мерседеса» исчез.

Сотрудники ГИБДД Ставропольского РОВД говорят, что пока не ясно, кто или что послужило причиной аварии. Ведется проверка. (Источник: Газета «Площадь Свободы».)

— Все понятно, — угрюмо сказал Яковлев, комкая тем временем свою газетку. — Жара.

— В смысле?

— Перегрелись мы с вами, Денис.

25 августа. Юрий Гордеев

Ничем особым колония для бывших сотрудников органов внутренних дел не отличалась от прочих зон, которые Гордееву довелось посещать. Кроме контингента, конечно. Вот тут уже идеально подходила знаменитая формула Довлатова, который принципиально не делал никакой разницы между зэками и теми, кто их охранял, и, помнится, дружил с человеком, засолившим в бочке всю свою любимую семью.

Гордеев хорошо помнил, как в свое время, году эдак в 1997-м будущий премьер-министр с забавной фамилией, а тогда — глава Министерства внутренних дел, вдруг объявил, что отныне бывших работников правоохранительных органов, приговоренных за различные преступления к лишению свободы, будут отправлять для отбывания срока не в спецколонию, а на общий режим, к обычным зэкам. Впору было подумать, что министр внутренних дел с забавной фамилией всех разыгрывает: мыслимое ли дело — ломать десятилетиями складывающуюся систему? Да и вообще, как это можно — отдавать своих, пусть и провинившихся, фактически на съедение тем, кого они до этого ловили?! Словом, никто это не воспринял всерьез.

Но тут неожиданно выяснилось, что очень даже можно и что такое положение уже разработано в ГУИН (Главном управлении исполнения наказаний Министерства юстиции РФ). Естественно, кое-кто пребывал в панике. Для бывшего сотрудника органов внутренних дел попасть в одну камеру или один барак с заключенными означает совершенно невыносимую жизнь. Или вообще не жизнь. В лучшем случае бывшим ментам отведут не самое почетное место, в худшем — сделают «петухами» или вовсе забьют до смерти. Так что в милицеских кругах пошла упорная борьба за сохранение старых порядков, когда бывшие работники правоохранительных органов отбывали наказание в «ментовских» камерах и зонах. Особенно большую активность проявили в этом сотрудники ГИБДД, и немудрено догадаться почему: гибэдэшники ведь чаще других попадают на взятках и получают небольшие сроки заключения.

Но если раньше отбыть год или два в Нижнем Тагиле или другой относительно комфортабельной зоне было не так уж страшно, то при новых порядках любой, даже самый маленький срок стал бы почти равен «вышке»...

Однако руководитель МВД с забавной фамилией вдруг пошел на повышение, а его революционное начинание так и осталось на бумаге. Как любят говорить чиновники, бумага должна вылежаться. Очевидно, еще не вылежалась, подумал Гордеев.

В комнату для свиданий вошел долговязый молодой человек. Он явно не знал, куда девать руки, поминутно засовывая и вынимая их из карманов. Сделать это было непросто, потому что в сером комбинезоне, который болтался на парне как на вешалке, карманы были неправдоподобно узкими, а оттуда еще торчала пара карандашей. Он был библиотекарь.

— Вы кто? — быстро спросил вошедший.

Гордеев молчал, продолжая изучать его. Присмотревшись, можно обнаружить некоторое сходство с Николаем Ивановичем Яковлевым. Несмотря на изрядную худобу, в кости парень был довольно широк и в случае хорошего прибавления веса обещал обрести весьма внушительный вид. Форма упрямо выпяченного подбородка тоже выдавала семейные черты. На этом, пожалуй, сходство заканчивалось: насколько старший Яковлев был выдержан, настолько младший — взвинчен. Н-да-а, грустное зрелище...

— Да вы зачем тут? От кого? — снова дергано сказал Игорь Яковлев, безуспешно пытаясь вынуть из кармана левую руку и ломая карандаш.

Вместо ответа Гордеев достал из сумки сверток, развернул целлофановый пакет, потом еще один. Затем бумагу. И, наконец, фольгу. На стол легла здоровенная копченая курица. Такая мягко-коричневая. Слегка асимметричная. Правая нога и крыло были поменьше левой ноги и

крыла. Но зато чуть румянее. Даже с небольшой корочкой, хотя с копченой птицей это бывает редко.

Яковлев оторопел и даже банально приоткрыл рот. Похоже, это было его самое сильное впечатление в лагере. По комнате неумолимо распространился совершенно одуряющий запах. У заключенного пошевелился кадык.

А Гордеев уселся за столом поудобнее, достал белоснежный носовой платок, засунул краешек за воротничок рубашки. И с хрустом отломил ножку.

Яковлев сглотнул. И безотчетно присел рядом...

Когда курица была безжалостно обглодана (в чем Гордеев участия не принял вовсе), удовлетворенный адвокат принялся за своего тепленького клиента, в глазах которого появилось какое-то бессмысленное выражение — как у кота, неожиданно для себя самого поймавшего мышь. За все время трапезы не было произнесено ни звука, кроме причмокивания, издаваемого оголодавшим эком.

— Игорь Алексеевич, меня зовут Юрий Петрович Гордеев, теперь я ваш адвокат, меня нанял ваш дядя. — Фраза была произнесена нарочито официальным тоном.

Яковлев-младший осоловело поворачивал глазами.

— Надеюсь, вы сможете сообщить нечто такое, что позволит серьезно пересмотреть сложившееся положение вещей и подать апелляцию...

— Я подавал! Подавал...

— То, что вы делали, и то, каков оказался результат этих действий, не вызывает у меня никаких эмоций. Это в порядке вещей. Как ваша реакция на заключение, так и реакция различных инстанций — и судебных и прокурорских — на ваши жалобы. Еще раз повторю, что все это в порядке вещей. Но вы обратились за помощью к своему родственнику, который, кстати, долгие годы проработал в органах, уже спустя значительное время после суда. И с которым уже долгое время не поддерживали никаких отношений. О чем это говорит? Либо вам стало здесь совсем нелегко, либо у вас появились какие-то доказательства своей невиновности. Если не ошибаюсь, на суде вы же как будто признали себя виновным. Статья 109, пункт 2 Уголовного кодекса Российской Федерации. «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, а равно причинение смерти по неосторожности двум или более лицам — наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового». За неосторожное обращение с оружием, приведшее к смерти одного человека, полагается такой же срок. Все правильно? Сразу оговорюсь, что с материалами дела я еще не знаком, поэтому, не исключено, буду задавать вопросы, которые могут показаться слегка наивными или которые вы слышали уже много раз. Вопрос первый. Вы стреляли в Вершинина?

— Нет.

— Вы стреляли по проезжающей машине?

— Нет. То есть да. Я же не знал, кто...

— Стоп! Нужно, чтобы вы уяснили. Не нужно мне повторять то, что вы говорили следователю или на суде. Я хочу, чтобы вы отвечали на мои вопросы так, словно еще ни с кем об этом не говорили. Понимаете?

— Легко сказать! Да. Сказать — легко...

— Тогда, может быть, будет легче, если вы сами скажете, что считаете нужным?

— Я не убивал Вершинина! — выпалил Игорь Яковлев.

Ну еще бы, подумал Гордеев. Конечно, ты его не убивал. Это сделали такие маленькие зелененькие человечки, один из которых оставил отпечатки пальцев на твоём автомате. А вслух спросил:

— То есть вы оговорили себя?

Яковлев судорожно кивнул, схватил открытую бутылку минеральной воды и, запрокинув голову, высосал ее всю. Вытер тыльной стороной ладони губы и добавил:

— Я стрелял. Стрелял! Я же не спорю. У меня был автомат, из него я и стрелял. Вот. Признаю. Да.

— Да подождите, Игорь! Почему вы оговорили себя?

— Так получилось, — выдавил Яковлев. — Так получилось... да вот именно. Так получилось...

Повторишь еще раз, подумал Гордеев, дам по шее. Нет, лучше что-то вставить самому.

— Вам угрожали во время следствия? Вы писали, что испытывали давление.

— Давление, да, — задумался заключенный. — Давление...

О господи, подумал Гордеев.

— Это можно назвать давлением. Давлением! — Он неожиданно наставил на Гордеева палец. — Или не давлением. Буду говорить только то, что захочу. Не было никакого давления!

— То есть как? — слегка оторопел Гордеев. — Давление было или его не было?

Игорь вдруг визгливо и неприятно захохотал.

Полный псих, подумал Гордеев. Ай да Дениска, ну удружил!

— А у вас там больше ничего нет? — вдруг застенчиво спросил Игорь.

— Где? — растерялся Гордеев.

— В сумке? На предмет поесть.

— Увы. В следующий раз обязательно захвачу побольше. Вас плохо кормят?

— Кормят хорошо. Хорошо кормят. Но мало. Мало кормят, — укоризненно покачал головой Игорь. — Чуть-чуть. Мало-мало. — Он красноречиво взялся рукой за горло, и Гордеев увидел на левом предплечье заключенного татуировку — синий щит с красной окантовкой и три слова внутри: «Свобода. Закон. Отечество».

— Это что? — машинально заинтересовался Гордеев. В конце концов, надо же о чем-то с клиентом разговаривать.

— Да, — отмахнулся Игорь. — Не люблю об этом. Ошибки молодости.

Ну и ну. Что человека застрелил — чепуха на постном масле. А вот татуировка — это да, это у него ошибка молодости.

— Расскажите тогда о воронах.

— О ком?

— Да о воронах же! Ну такие большие черные птицы, которых вы отстреливали, когда попали в Яковлева.

— Какие вороны?! Не стрелял я ни в каких ворон. Сигареты есть?

Гордеев достал пачку «Парламента».

— То есть как — не стреляли, а что же вы делали?

— Возвращался из увольнения в свое подразделение.

— А! В то время как остальные стреляли в ворон? — догадался Гордеев.

— Кто — остальные?

— Ну... ваше подразделение. ОМОН.

— Да никто не стрелял никаких ворон! Ни я, ни кто-то еще. Что за чушь, откуда вы взяли?!

Это утка была, понял Гордеев. В газете написали намеренную чушь про отстрел ворон. Зачем?

— Значит, вы возвращались из увольнения. С автоматом.

— Да.

— Это вообще законно?

— Я откуда знаю. Вы же юрист, не я.

— Ладно. Вы были один?

— С приятелем. В смысле — с шурином.

— Расскажите подробнее. Как вообще произошло, что вы начали стрелять?

— Я был в увольнении. В увольнении! — мечтательно повторил Игорь. — Поссорился с женой. Встретил шурина. Поехали к нему на дачу. Мы поддали. Ох и поддали.

— Много выпили?

— Нет. Но потом добавили, и вышло много. Отрубились. Когда пришли в себя, оказалось, что много времени — надо спешить. У шурина машина сломалась. Пошли пешком через лес. Вышли на дорогу, стали голосовать.

Хорошенькое дело, подумал Гордеев. Пьяный омовонец, шатающийся по лесу с автоматом, застрелил полпреда президента. Час от часу не легче. Вот откуда взялся «отстрел ворон». Еще и не такое могли придумать. Ну, например, полпред приехал посмотреть на чемпионат города по стендовой стрельбе. Выполнялся норматив «стрельба по бегущему кабану». Ну ладно...

— Долго вы с шурином шли до дороги?

— Не помню. Наверно, недолго. Часа полтора. Сигареты есть?

— Вот же лежат на столе, — подавил в себе раздражение Гордеев.

— Не слепой. Еще, спрашиваю, есть?

— Я больше одной пачки с собой не ношу, извините. Значит, вы были пьяны и с автоматом?

— Когда мы вышли на дорогу, я уже скорее протрезвел, чем был пьян... Ну а потом появилась эта машина. В которой ехал этот хрен. С горы. Полпред.

— Почему с горы? — машинально спросил Гордеев, вытирая платком лоб.

— Это фигура речи. Книжки надо больше читать, — посоветовал зэк. — Расширять кругозор. Там можно встретить много новых слов. Вот, например...

— Что за машина? Марка, модель?

— Не знаю. «Волга», кажется.

— Какого цвета была «Волга»?

— Что? — удивился Игорь Яковлев.

— Цвета какого была машина? Красного, желтого? Вы цвета различаете?

— А... Ну, допустим, черного.

— Как это — допустим?

— Да какая разница — какого цвета?

— Это не ваше дело, — разозлился Гордеев. — Раз я спрашиваю, может пригодиться. — «А в самом деле, зачем я спросил?!» — Значит, черная «Волга» проехала мимо вас, и вы выстрелили по ней? Но зачем?

— Да нет, все не так было. Я голосовал. Пытался остановить какую-нибудь тачку, мне же надо было в город вернуться. Я же опаздывал из увольнения. И кроме того, я хотел сперва зайти домой и помириться с женой, пацана повидать.

— Пацана?

— У меня сын.

— Как зовут мальчика?

— Алексей. Алексей Игоревич. Отчество дурацкое, конечно, но что поделаешь. У Игорей и Олегов дети носят самые дурацкие отчества, вам не кажется? Хотя и у Юриев не лучше.

— Не думал об этом. А вам не пришло в голову, что ваш вид — с автоматом — мог бы напугать любого водителя?

— Я автомат за спину убрал.

— Как же тогда он выстрелил?

— Да что за черт! Я же объясняю, я голосовал! Перед «Волгой» машин десять пытался остановить. Никто не отреагировал. А один гад даже грязью облил.

- Дождь шел?
- Ну. Ночью перед этим.
- Сколько времени вы голосовали?
- Полчаса, не меньше. А может, больше. Может, час.
- Не помните разве?
- Уже не помню. В суде что-то говорил, об этом спрашивали, почитайте протоколы, что ли...
- А шурин ваш помнит?
- У него и узнаете.
- Ладно. Значит, десять машин не остановилось, одна вас грязью облила, вы с похмелья, обозлены и, когда проехала «Волга», выстрелили ей вслед. Так?
- Не.
- Что — не?
- Это она меня грязью и облила. «Волга». Я сорвал автомат, бахнул вслед.
- Очередью?
- Одиночным. Один раз.
- Но прицелившись.
- Какой там. Навскидку.
- С какого расстояния?
- Да метров четыреста, может, и больше.
- Ну да, тут не прицелишься, — пробормотал Гордеев. — Но попали точно в печень.
- Как — в печень? — удивился Игорь. — Кому — в печень?
- Полпреду Вершинину, — терпеливо, как душевнобольному (хотя кто знает), объяснил Гордеев. — Полпреду Вершинину из своего автомата попали в печень.
- Да вроде ж голову я ему разнес, — не слишком уверенно предположил Игорь.
- Машина остановилась после выстрела?
- Не.
- Так откуда вы знаете?
- В суде сказали. И следователь — еще раньше.
- Резонно. — Значит, еще одна газетная плюха. — Что было дальше?
- Да ничего. Мы еще пошлялись по дороге какое-то время, никто так и не остановился, а через час нас задержали. Какой-то гад повалил лицом в грязь, ты, кричит, паскуда, стрелял, так я же не отпирался, сразу сказал — еще не знал, что Вершинин умер. Я слышал, его вроде даже наградили потом...
- Кого?! — поразился Гордеев. — Вершинина? Посмертно, что ли? И за что же?
- Да нет, этого охранника, который меня скрутил.
- Понятно. Кстати, кто был вашим адвокатом?
- Адвока-аатом? — еще больше удивился Игорь.
- Это такой специальный человек, который защищает ваши интересы в суде.
- Вроде вас?
- Вроде меня.
- У меня его не было.
- Если вас судили, то у вас был адвокат, — устало возразил Гордеев. — Должен был быть. Или вы сюда попали без суда? В 1937 году такое еще можно было представить...
- Ну да, был такой тип. Мне его назначили в суде.
- Вот те раз. Значит, вы не хотели брать адвоката? Но почему, если считаете себя невиновным? Или тогда не считали? — Так-так, подумал Гордеев, все же ключевой момент именно здесь.

— А зачем? И так ведь все ясно было. Только деньги бы из меня вытягивал. Которых и так нет.

— Значит, вы решили сэкономить на защитнике, потому что вам и так все было ясно?

Молчание.

— Кто вам подсказал эту мысль?

Вместо ответа Игорь подпрыгнул.

Гордеев только голову почесал.

— Ну что, все узнали, что понадобится? А то мне пора, надо актовый зал в порядок привести: у нас сегодня концерт.

— В самодеятельности участвуете? Похвально.

— Какая там самодеятельность, настоящие гастроли! — похвастался Игорь. — Бард к нам известный приезжает, Собакин, слышали? Он и сам сиживал. — И вдруг шлепнул себя по коленкам и гнусаво завыл:

Вечер за решеткой догорает.
Солнце тает, словно уголек.
На тюремных нарах напевает
Молодой уставший паренек.

И тут же нормальным голосом:

— Ну ладно, вы вот что, господин Кони, лучше поскорее вытащите меня отсюда, а то я за себя не ручаюсь, — пообещал Игорь.

— Что значит — не ручаешься? Только не говори мне, что твоя любимая книжка — «Граф Монте-Кристо», — вставая, попросил Гордеев. «Оказывается, менты тоже блатные песни уважают, кто бы мог подумать? Хотя какие они теперь менты...» — Кстати, вот что, гражданин библиотекарь, а вы можете мне нарисовать схему происшедшего?

8

26 августа. Н. И. Яковлев

Он сидел на лавочке в сквере у гостиницы «Союз» и бесцельно разглядывал прохожих. Отсюда отлично просматривались окна номера Ключевского, в котором тот так до сих пор и не появился. Работа — лучше не придумаешь, размышлял Николай Иванович, сиди себе потягивай пиво, а зарплата капает. Об Игоре он изо всех сил старался не думать, но не получалось, новостей от Гордеева не было, и он все больше склонялся к мысли, что зря связался со столичным адвокатом.

Артуз недовольно заворочался под лавкой и взрыкнул, покосившись на висящий на ремне у хозяина пейджер. Буквально через секунду тот призывно завибрировал. «Неужто чует скотина?» — изумился Яковлев.

Сообщение было от Дениса: «Жду вас в конторе». С легким сердцем он покинул опротивевшую лавочку и, свистнув Артуза, направился к метро.

— Все, Николай Иванович, про Ключевского можете забыть, — сообщил Денис.

— Нашли? Где, как?

— Не нашли, но заказ отменен. Только что пришло сообщение, что Ключевский благополучно выехал из Москвы и движется к Златогорску. Гонорар за труды мы тоже получили, может, и не такой, как ожидалось, но и результата ведь не было. Вот ваша зарплата. — Денис протянул ему конверт.

Яковлев, даже не заглянув внутрь, сунул конверт в карман.

— Чем теперь займемся?

— А ничем, отдыхайте. — И, видя, что Яковлев чувствует себя не в своей тарелке, попытался успокоить: — Понимаю, что вам, человеку старой закалки, брать деньги ни за что неприятно, но и отказываться от них глупо. Мы ведь этого Ключевского почти нашли, я вот буквально сегодня вычислил, что его грузовик пришел из Германии, груз был растаможен, — кстати, какая-то суперстойкая немецкая монтажная пена, ею можно даже под водой дырки заделывать, сорок лет гарантии, все свойства хорошего бетона, даже, говорят, гамма-излучение задерживает... Николай Иванович, вы меня слушаете?

— Да, конечно, — восторженно воскликнул Яковлев. — Вам случайно Гордеев не звонил?

— Нет, но представляете, рылся ночью в Интернете и набрел на одну дурацкую статейку. Там ваш родственник поминается, вот выкачал, хотите взглянуть? — Денис запустил браузер и развернул к Яковлеву монитор.

СЛУХ НЕДЕЛИ

«Только-только стала забываться россиянами история гибели президентского полпреда в Сибири Вершинина. Только-только мы свыклись с мыслью, что и такой человек может погибнуть так глупо, как нате вам!

Из славного города Златогорска дополз до Белокаменной нехороший слушок: не случилось с Вершининым никакого несчастного случая. Вершинин-то, оказывается, нехороший человек, как ни старался наладить отношения с сибирскими губернаторами, как ни пыжился, и мытьем, и катаньем пробовал — не вышло. Вспомнил он тогда про поджог рейхстага в 1933-м, да и думает: нужно краю гро-о-омкое преступление, чтобы под шумок свои порядки установить. Вот и организовал сержанта ОМОНа Яковлева у дороги с автоматом, да только не рассчитал немного — и стало больше некому его порядки в Сибири устанавливать.

Дара Подушкина. Достоверность — 2».

— Два, это по пятибалльной шкале? — поинтересовался Николай Иванович, дочитав.

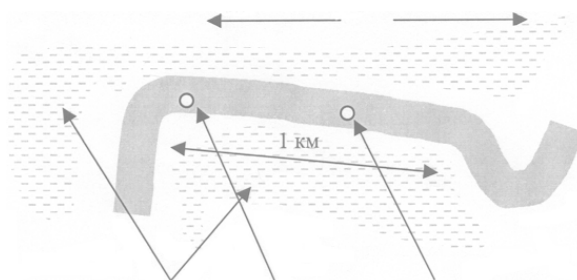
— Нет, по десятибалльной, так что верить этому особо не стоит, хотя вам виднее, может, этот слушок вас или Гордеева на какую мысль натолкнет?

— Может, и натолкнет.

9

26 августа. Юрий Гордеев

Гордеев сидел в своем номере, на пятом этаже гостиницы «Барон Унгерн», и уныло, с натугой, через не могу пялился на лист бумаги, на котором корявой рукой Игоря Яковлева была нарисована схема происшедшего.

В Златогорск. На водохранилище. Болото. Тут был я. Тут была машина в момент выстрела.

В номере было прохладно, а на контрасте с городской духотой — настолько хорошо, что совершенно не хотелось никуда отсюда выходить. Никуда и никогда. А выходить все равно надо было, ведь вечером Гордеев улетал в Москву. Что само по себе не могло не радовать, если, конечно, забыть, что возвращаться приходится с пустыми руками. Нет, конечно, работы было проделано немало, но это не тот случай, когда можно с удовлетворением признать, что отрицательный результат — тоже результат.

Гордеев вздохнул, отложил бесполезную схему в сторону и достал записи, которые он вел, читая материалы по делу об убийстве Вершинина.

Итак, если отбросить сантименты и бесполезную в данной ситуации адвокатскую демагогию, что имеется на сегодняшний день?

1. Начальник охраны полпреда Вершинина Друбич (Андрей Викторович, подполковник МВД) вез своего шефа на рыбалку на «Волге», обычным маршрутом, которым они это проделывали не раз и не два. Кроме них, в машине никого не было. Охрану Вершинин, как всегда, выслал вперед. Осмотреть место рыбалки, все подготовить.

2. В 20 километрах от водохранилища «Волгу» Вершинина попытался остановить человек, одетый в камуфляжную форму (младший сержант ОМОНа Яковлев Игорь Алексеевич). Он вышел на середину дороги и угрожал автоматом.

3. Сидевший за рулем Друбич, отвечающий за безопасность Вершинина, естественно, не остановился, а, наоборот, добавил газу.

4. Омоновец спустя несколько секунд выстрелил им вслед. И хотя машина успела за это время отъехать более чем на полкилометра, пуля попала Вершинину прямо в затылок (пробив предварительно заднее стекло). Затем она пробила лобовое стекло и впоследствии обнаружена не была.

5. Продолжая движение, Друбич немедленно вызвал по рации «скорую помощь» и охрану. Прибывшие с водохранилища охранники оперативно развернули поиски.

6. Они искали людей с оружием и довольно быстро натолкнулись на двух пьяных. Один из них (Яковлев И. А.) размахивал АК-47, пытаясь остановить попутку. Второй (брат жены Яковлева И. А.) просто спал на обочине.

7. Задержанный Игорь Яковлев служил в ОМОНе и опаздывал из увольнения, поскольку загулял больше обычного.

8. В рожке автомата Калашникова, закрепленного за Яковлевым (идентификационный номер МШ-1347), не хватало как раз одного патрона, а в стволе имелись следы недавнего выстрела.

9. Пуля найдена не была, несмотря на тщательный осмотр участка дороги в несколько километров. Велика вероятность, что маленький комочек свинца просто смела на обочину одна из проехавших после машин. (Участок дороги в несколько километров был полностью заблокирован на предмет поиска пули только на следующий день.)

10. Все это не имеет ни малейшего значения, поскольку и без того баллистическая экспертиза подтвердила, что отверстия в заднем и лобовом стеклах и черепе Вершинина пробиты одной пулей, скорость и калибр которой соответствовали скорости и калибру пули, выпущенной из АК-47 с расстояния порядка пятисот метров.

11. Яковлев немедленно признается в совершенном выстреле и объясняет, что просто голосовал на дороге, чтобы доехать до своей части. Голосовал не меньше часа. Никто не оставался. Тогда он, разозлившись, выстрелил одиночным патроном по колесам пронесшейся «Волги». Явное непреднамеренное убийство из-за неосторожного обращения с оружием.

12. Шурин Яковлева, некто Ключевский, находился все это время в полной — парадокс! — отключке. Вообще лыка не вязал, до такой степени был пьян. И все случившееся проспал, лежа на обочине. Что и было зафиксировано в протоколе его допроса.

Значит, пулю, пролетевшую сквозь полпредовскую голову и стекло его машины, так и не нашли. Ну и что с того?

Ну и ничего.

Вот если бы мы ее потом нашли и вдруг оказалось, что она выпущена совершенно из другого «калашникова»... Но поди ж ты найди крохотный кусочек металла на автомобильной дороге, да еще несколько месяцев спустя! Да и потом, это неправильная посылка. Яковлев сам утверждает, что стрелял по машине. Вопрос в том, почему он это сделал? Тупик какой-то...

Все-таки, пожалуй, жарковато. И кондиционер, зараза, не регулируется.

Гордеев залез в прохладный душ. Постоял под ним минут пять, не меньше. Вылез не вытираясь. Достал из холодильника запотевшую бутылочку пива. Эти процедуры, пожалуй, принесли некоторое облегчение, но настроение не подняли. Так сказать, для тела, но не для души.

Гордеев включил телевизор. Пошел каналы. Сериалы, сериалы, мультфильмы. Прогноз погоды. Ну нет, это совсем тоскливо. Так сказать, безциклонно. Пошел канал еще. На местном канале шли какие-то местные, совершенно непонятные новости. Что-то вроде предвыборных дебатов, что ли. Два лобастых мужика каждый за своим столом, совершенно не слушая друг друга, выкрикивали какие-то политические тезисы. Хотя, впрочем, нет, они возражали друг другу. Один говорил:

«Проблемы вокруг четвертого телеканала нас не волнуют! Это не наши проблемы!»

А второй не соглашался:

«Не надо лгать, господин Тараканов! Это нас, коммунистов, проблемы вокруг четвертого канала не волнуют, пусть они там хоть сожрут друг друга, как пауки в банке! Расчистят нам дорогу — и прекрасно! Не надо лгать! Это не «не ваши проблемы»! Это — не наши проблемы!»

А первый упрямо доказывал:

«Ничего подобного, господин Лажечников! Наша партия свободна в своем волеизъявлении!»

«Да?!»

«Да!!! Не то что коммунисты! Мы не обязаны, господин Лажечников, ориентироваться на...»

«Да вы зависите, господин Тараканов, даже от количества озона в атмосфере!»

Тут господин Тараканов прямо задохнулся от возмущения и так побагровел, что было похоже, что ему действительно чего-то такого недостает в атмосфере.

— Ага, господа судейские! — воскликнул Гордеев. — Ага!!! Вот тут-то я вас и сцапаю! Абзац подкрался незаметно, на тоненьких мохнатых ножках!

10

«Спасибо тебе, дорогой дядя Коля, за тепло, за ласку, за участие отеческое! Не бросил на произвол судьбы, протянул руку помощи, хоть и чужую. Сволочь ты все-таки! Разве об этом я тебя просил? Или ты уже решил для себя, что как раз это испытание окончательно сделает из меня мужчину?!

Мертвого мужчину оно из меня сделает, понял?! И будет это и на твоей совести тоже.

За сим прощаюсь, еще раз спасибо за дегенерата, которого ко мне прислал. Тяжело было корчить перед ним идиота. Зато весело, а веселье здесь, знаешь ли, большая роскошь».

11

28 августа. Юрий Гордеев

Из Златогорска Ту-154 летел больше четырех часов. Недавно точно такой же самолет разбился под Иркутском. И вот теперь салон авиалайнера был неправдоподобно пуст. Гордеев насчитал не больше двадцати пассажиров и хмыкнул. Он-то как раз считал, что лететь именно на Ту-154 сейчас максимально безопасно: раз уж один такой гробанулся, то следующий, надо надеяться, будет не скоро. Но странным образом, именно эта пустота салона не позволила Гордееву расслабиться, и еще девочка с бабушкой в соседнем ряду столь громко дискутировали на темы древнерусской мифологии, что о сне или хотя бы просто отдыхе нечего было и думать.

Зато уж в Москве... За несколько дней отсутствия он успел так отвыкнуть от своей обычной жизни, что, отключив мобильный телефон, про городской забыл вовсе.

— Николай Иванович... где встретимся? — пробормотал адвокат, разбуженный ранним, как показалось, звонком своего клиента. Хотя, глянув на часы, увидел, что уже четверть десятого.

— Да мне все равно, — сказал Яковлев. — Хотите — у вас в конторе, хотите — дома.

— Нет, только не в конторе. — Гордеев попытался сдержать зевоту. — Не стоит начальству на глаза попадаться, пусть Розанов думает, что я еще не вернулся из Сибири... Хочу отоспаться денек-другой. Знаете что... есть такое тихое местечко — «Веселые сковородки», знаете?

— Вы меня разыгрываете.

— Да правда же, есть такой ресторанчик. — Гордеев все-таки зверски зевнул.

— Нет. Где это?

В трубке повисло молчание.

— Где эти ваши сковородки?

— А?! — Гордеев успел-таки задремать. — На Смоленской площади.

— На Смоленской — тихое местечко? — засомневался Яковлев. — Все-таки шутите?

— Встретимся через полтора часа, сами убедитесь. В такое время там никого не будет. Это в здании «Смоленского пассажи», на последнем этаже. Спокойно там все обсудим.

Меню составлялось творческой рукой: маслята с луком, например, назывались «Лесными братьями», нарезка из фаршированной курицы, телячьего языка и бастурмы — «Мечом сарацина», и далее в том же милитаристском духе.

Яковлев был без собаки, Гордеев — без машины, так что оба позволили себе по пятьдесят граммов «Русского стандарта». После чего, не польстившись на остроумные названия, Яковлев взял себе «Монастырскую» окрошку, а Гордеев — солянку из осетрины. По обоюдному согласию минут десять прошло в полном и сосредоточенном молчании. Николай Иванович подумал, что новости у адвоката либо весьма обнадеживающие, либо совсем наоборот.

Гордеев вытер руки салфеткой, достал из сумки пластиковую папку.

— Племянник ваш жив, а здоров или нет, не мне судить. Считает, что его подставили. Кто — говорить не желает! — Гордеев с ожесточением поймал вилкой скользкий масленок и отправил его по назначению.

— А знает ли? — засомневался Яковлев.

— Да, может, и не знает. И вот что любопытно: во время процесса ваш Игорь Алексеевич не пожелал пользоваться услугами адвоката, чтобы не тратить впустую деньги, — значит, не сомневался в исходе дела.

— Однако же он не считает себя виновным? — полувопросительно подчеркнул Яковлев.

— Причем категорически! Хотя заявлять об этом действительно стал только сейчас. А почему?

Яковлев пожал плечами. Взял зубочистку, но использовать ее по назначению не стал. Сломал, сложил вдвое, сложил еще раз, опять сломал. Получилось восемь частей. Из обломков зубочистки стал выстраивать домик. С крышей.

— Стопроцентного алиби у него нет, я в этом не сомневаюсь. Но если он даже подсказывал, в каком направлении искать, я ничего не понял, — признался Гордеев.

— А какое вообще он произвел на вас впечатление? — Две детальки у домика оказались лишними. Яковлев подумал, наломал еще зубочисток и приделал куриные ножки. Полюбовался.

— Или он не в себе, или дурака валял, причем довольно убедительно, — продолжал Гордеев. — Если так, то он кого-то здорово боится.

— Несложно догадаться. Если его подставили, а он молчит, естественно — боится.

— Это если его действительно подставили. И если он знает кто! Да что тут гадать на кофейной гуще. Один хрен — не говорит же ничего. Можно подумать, я не адвокат, а прокурор — чтобы докопаться до сути, мне надо расколоть собственного клиента. Это же черт знает что такое! А единственный свидетель, который мог бы ему помочь, его шурин, некто Ключевский...

— Как вы сказали? — вмиг насторожился Яковлев.

— Ключевский, однофамилец известного историка... Так этот был попросту пьян в стельку. Ничего не видел, ничего не помнит.

— Вы не нервничайте, — хмуро посоветовал Яковлев. Но по нему было видно, что мысли его находятся уже где-то в стороне.

— Да ладно... Вопрос в том — кого боится ваш племянник? Мы же не знаем. Не можем даже предполагать. Непонятно даже, находится ли этот человек в тюрьме или нет.

— Учитывая, как Игорь стремится на волю, похоже, что тот, кого он боится, рядом.

— Оттуда, знаете ли, все стремятся, — покачал головой Гордеев. — Виновен ты, невиновен, шестерка или бугор... Это еще ни о чем не говорит. И откровенно говоря, Николай Иванович, увы, не вижу, чем еще я мог бы в этом направлении вам помочь.

— Денис Грязнов говорил, что вы вроде бы работали в Генеральной прокуратуре.

— Это-то здесь при чем?!

— Я надеялся, что вы найдете доказательства невинности Игоря, ведь в отличие от вас я не могу получить доступ к материалам дела. Как там было вообще, в Златогорске-то?

— Да нормально, никаких проблем. Ну, не без обычной бюрократической волокиты. Но в целом доступ к документам я получил относительно оперативно. И не заметил, чтобы кто-то мешал мне его получить. Никакого давления и никакого интереса к этому факту. Короче, гораздо проще, чем с вашим племянником разговаривать. Да чему тут, в сущности, удивляться? Кто и зачем станет мешать? Обычная история. Заключение меняет адвоката, надеюсь, что новый найдет лазейку в его проигранном деле, что поможет отправить его на пересмотр.

— Убийство крупного чиновника не обычное дело. Не такое уж обычное дело.

— Верно. Но только до того момента, пока приговор не вынесен и кто-то не отправился на нары. А Златогорск ваш — славный городок.

— Что вы нашли в деле?

Гордеев, широко улыбнувшись, придвинул к Яковлеву пластиковую папку:

— Вот здесь. Тезисно. Но, честно говоря, нет в этом ничего, что бы нам помогло. Кроме одного интересного нюанса. Все как Игорь рассказывал. По сравнению с газетами, конечно, большая разница, ну так чему же удивляться.

— Что за нюанс?

— Так, крохотная зацепочка. Но она может кое-что дать. Вы знаете, Николай Иванович, что ваш племянник — член ЛДПР?

Яковлев, просматривавший записи, которые Гордеев сделал в Златогорске, оторвал от них взгляд и удивленно прищурился.

— Не знаете, — констатировал Гордеев. — Он вступил в эту замечательную партию около года назад. — Тут адвокат сделал паузу: — За рубль.

— ?!

— У них вступительный взнос — рубль, — развеселился Гордеев. — Принеси две фотографии три на четыре, рубль, заполни простенькую анкету — и ты член, полноправный, так сказать. Так вот, значит, Игорь у нас исповедует взгляды либерально-демократической партии, можно сказать, фанатичный приверженец Жириновского...

— Вы это серьезно?!

— Допустим, что это так. То есть то, что он член ЛДПР, — это факт. У него даже татуировка есть — эмблема партии и три слова «Свобода. Закон. Отечество». Это просто здорово! Это нам на руку, опровергнуть будет затруднительно, тем более когда он покажет свой партийный билет и сыпанет пару лихих цитат. Ну там... «Омоем сапоги нашей армии в водах Индийского океана!» Или что-то в подобном роде. А общественный защитник у него был, между прочим, коммунист. Некий Лажечников, собирается баллотироваться в Думу на освободившееся место от Златогорска. Вот это уже я знаю совершенно точно.

— Ну и что? Ну и на здоровье. Коммунист так коммунист.

— Тут есть лазейка. Игорь же адвоката не брал, помните? — в целях экономии семейного бюджета, так сказать, и ввиду полной бесперспективности борьбы, как он тогда считал.

— Ничего не понимаю, — сознался Яковлев и попросил счет.

— Имейте терпение. Если обвиняемому дали общественного защитника, политические взгляды которого резко расходятся с его собственными, это дает нам законную возможность потребовать возобновления дела. — Гордеев победно откинулся на спинку стула и заказал кофе глясе. — Правда, остроумная зацепочка? Вот, пользуясь этой зацепочкой, я и подал надзорную жалобу...

— Да какая зацепочка? Какую жалобу вы подали?! — вдруг рассердился Яковлев-старший. — Какое, к черту, возобновление! Неужели вы не понимаете? Если его так быстро и просто осудили, значит, это было необходимо. Вы что, нашу систему не знаете? Дадут парню нового адвоката, члена ЛДПР, и засудят его по новой! Если мы сейчас добьемся официального возобновления дела, на следствие будет немедленно оказано давление, и результат опять будет нулевой. Не нужны мне такие эксперименты!

— Может быть, и так, Николай Иванович, но вы кое-что путаете, это вы частный сыщик, не я! Вы меня наняли в качестве адвоката, и именно в этом качестве я вам предложил реальную возможность, как добиться пересмотра дела...

— Отзывайте немедленно свою жалобу! Я Игоря хочу еще живым увидеть!

— Да не кипятитесь вы так, жалоба никому не мешает. Всякой бумаге нужны ноги. Если ее не проталкивать, она так и истлеет в златогорских архивах, а передумаете...

— Юрочка! — раздался вдруг громкий возглас.

Тут Яковлев увидел, что Гордеев вдруг непроизвольно втянул голову в плечи, как набедакуривший школьник. К их столику танцующей походкой направлялся бодрый старикан, с развевающейся копной седых волос — эдакая художественная внешность. Не то скульптор, не то режиссер, не то скрипач. Ан нет, оказалось, Генрих Розанов — глава юридической консультации № 10 собственной персоной.

— Юра, ты вернулся? Как хорошо! Просто чудно, и очень кстати. У меня для тебя интересное поручение, и если ты не занят... Мое почтение! — Это уже Яковлеву. — Присоединяйся, я как раз заказал кофе!

12

29 августа. Гордеев — Меркулов

Меркулов сидел в президиуме и скучал. Гордеев точно так же чувствовал себя на галерке. И того и другого на межведомственное совещание по вопросам судебно-правовой реформы направили по разнарядке, как в старые добрые времена. В юрконсультацию № 10 спустили бумагу из городской коллегии адвокатов, и шеф, Генрих Розанов, всегда и всюду отстаивающий высокие либеральные принципы, в данном случае из каких-то высших политических соображений взял под козырек. Мученика в соответствии с высокими либеральными принципами определяли жребием, и, поскольку Гордеев в момент жеребьевки отсутствовал, естественно, выбор пал на него.

Последним выступал сотрудник юридического департамента московской мэрии. Он говорил вдвое дольше основного докладчика, депутата Госдумы из профильного комитета, то ли в силу собственного многословия, то ли демонстрируя всем собравшимся, кто в доме хозяин. Под конец, когда умудренные опытом, а следом и все прочие откровенно потянулись в банкетный зал, он пригласил «уважаемых участников форума» на презентацию своей книги «Судебно-правовая реформа как инструмент консолидации общества на базе укрепления авторитета закона».

Сперва в конференц-зале возникло некоторое оживление: презентация не просто обычный в подобных случаях маловыдающийся фуршет. Но оказалось, что под «уважаемыми участниками форума» докладчик подразумевал только сидевших в президиуме. Быстро сориентировавшись, Меркулов подозвал Гордеева и протащил его в VIP-буфет.

Накрыто было в голливудских традициях (так, как обычно изображается русское застолье). Не успел Гордеев подхватить скатывавшийся с переполненного подноса блин с черной икрой, как к нему подлетел торопливый половой, убрал стопку и налил в хрустальный стакан, имитирующий обычный граненый, водки — чуть не до краев.

— Константин Дмитриевич, — шепнул Гордеев на ухо Меркулову, пока автор произносил первый тост в честь самого себя, столь же длинный, как и его доклад, — конечно, огромное спасибо, но, по-моему, вы затащили меня в ловушку.

— Каюсь, — шепотом ответил Меркулов, — но сам бы я и десять минут не вытерпел. Поговорить не с кем.

— А что, уйти нельзя?! — удивился Гордеев.

— До первой звезды нельзя.

— Но вы как-никак государственный человек. Неужели не можете сослаться на занятость?

— Три тоста — и уходим. По-английски. Меньше нельзя, этикет не позволяет.

— Три? Кого-то поминаем? Скромность?

— Здравый смысл.

— Тогда надо терпеть, — Гордеев закивал, делая вид, что сопереживает говорящему, остальные слушали молча, терпеливо и косились на них с Меркуловым, — пусть его душа отлетит по всем канонам. И бог с ним. Я вот недавно сделал открытие: что является движущей силой истории.

— В политику ударился? — удивился в свою очередь Меркулов. — Что-то раньше я за тобой этого не замечал.

— Нет. Просто старею. Засмотрелся на одну девочку, подслушал разговор и сделал далеко идущие выводы.

Конца тосту видно не было, и Гордеев из озорства стал, как бы невзначай, пододвигать рукавом вилку к краю стола. Меркулов заметил его телодвижения и лукаво подмигнул.

— Подслушивать нехорошо!

— Я бы с удовольствием не подслушивал, — улыбнулся Гордеев. Вилка грохнулась на кафельный пол, но никто, кроме официанта, не обратил на нее внимания, — но в самолете уши не заткнешь — больно, тем более на четыре с лишним часа.

— А девочка хоть совершеннолетняя?

— Не совсем. Годика три с половиной.

— Вот как? И что же она такого выдающегося сказала?

— Обсуждала с бабушкой «Курочку Рябу». «А зачем дед яичко бил, бил — не разбил? Зачем, зачем, зачем? Яичко ж золотое? Дорогое. И не бьется. А зачем баба била, била — не разбила? Что, бабка сильнее дедки? Дедка ж не разбил! А почему мышка разбила, она сильнее бабки и дедки? А почему дед плачет, когда яичко разбилось? Сам же хотел разбить. А бабка почему плачет? А почему курочка говорит: «Не плачь, дед, не плачь, баба, снесу я вам яичко другое — не золотое, а простое?» Долго ждать же, они целый день будут плакать! Надо в магазин сходить за яичком!» Слушал я это, слушал и понял: движущая сила любой истории — неважно, настоящей ли, вымышленной ли, — глупость.

— Ну что ж, — кивнул Меркулов, — поздравляю.

— С чем? С открытием?

— Нет. С тем, что по столько часов кряду на самолете летаешь. Не в Сибирь же небось. Дай угадаю. На Канарские острова.

— Не угадали. Как раз в Сибирь, в Златогорск. Представляете, в связи с, казалось бы, давно закрытым и забытым делом об убийстве Вершинина.

— Тем более поздравляю.

— Не с чем, Константин Дмитриевич. Только зря провозился. Клиент от меня практически отказался, так что могу выдать вам тайну. Яковлев, осужденный за убийство Вершинина, утверждает, что преступления не совершал, но ничего вразумительно объяснить не может. Совершенно очевидно, что его припугнули, но он и сам тот еще субчик.

— Ну и?

— Представляете, нашел зацепку: он член молодежной организации ЛДПР. А адвоката соответствующих политических взглядов ему не предоставили. Он, конечно, и не просил, но дело-то громкое! При умелом подходе это достаточный повод для назначения повторного слушания. Вот на суде пусть все и скажет, если ему кто в колонии на хвост наступил. А дядя его рогом уперся. Я же говорю: любой историей движет глупость. Если все организовать по уму, жить станет неинтересно.

— Вот что, — сказал Меркулов после секундного раздумья, — пойдем отсюда, расскажешь все поподробней.

— А как же три тоста?! Еще первый не закончился!

Теперь уже все обернулись к ним, потому что фраза Гордеева попала в середину театральной паузы, предварявшей традиционное «так выпьем же за...». «Давайте выпьем!» — вопреки всем приличиям закончил специалист по судебно-правовой реформе.

Часть вторая

1

3 сентября. А. Б. Турецкий

Утром Турецкого ждал в кабинете неприятный сюрприз. Сюрприз был комплексный. Во-первых, аналитическая записка, на редкость невразумительная, с резолюцией Меркулова: изучить и явиться к нему в кабинет в половине девятого, то есть менее чем через полчаса. Во-вторых, кофе с коньяком, которым следовало немедленно привести себя в рабочее состояние после вчерашнего коньяка без кофе с Грязновым. Но кофе вчера рассыпался по всему сейфу, в пачке осталось на самом доньшке, не наскрести и на четверть чашки. А коньяк кончился. Была еще одна непочатая бутылка, но ее Турецкий оставил в неприкосновенности. Плохая примета — начинать с новой бутылки трудовой день, и еще у него возникло чувство, что ей уготована более славная судьба.

Аналитическая записка была посвящена истории, произошедшей нынешней весной в Сибири, — в Златогорске погиб полпред президента. Подробности Турецкий знал на уровне рядового телезрителя. Сенсации из этой истории не получилось, поскольку преступника — омоновского сержанта под хмельком, кажется, по фамилии Яковлев — задержали на месте преступления, и он прямо на месте сознался; было проведено образцово-показательное следствие, что, видимо, не составило особого труда; при данных обстоятельствах следствие — на девяносто девять процентов формальная процедура. Весь пафос свелся к тому, что пьют у нас (а уж в Сибири и подавно) все, но умеют немногие — измельчал народец. И не может честный русский человек не пить — если не пьет, значит, инвалид, наркоман или шпион, такого на работу в органы брать нельзя.

Подробности дела, изложенные на двадцати печатных страницах, — он пробежал их глазами по диагонали — по сути, таковыми не являлись: бесконечный набор казенных фраз, как будто автору заплатили гонорар за количество печатных знаков. Абсолютно ничего нового из справки Турецкий для себя не вынес, все было по ящику. Кроме одного: не кто иной, как старый знакомый Юрка Гордеев, явил миру образец крюкотворства высочайшего полета — откопал нарушение УПК в ходе судебного разбирательства. По сложившейся практике его должны были послать куда Макар телят не гонял: не до того в нынешнее, как всегда тяжелое, время. Но вместо этого кто-то составил аналитическую записку на имя Меркулова, — выходит, есть на то причина. И вот в ней-то вся соль. А за кофе придется сбегать в магазин, но до полдевятого никак не успеть.

Нужно заранее пойти в приемную и выпросить хоть чашечку у секретарши! — нашел Турецкий выход из тупиковой ситуации.

Меркулов встретил его нетерпеливым возгласом:

— Изучил?

— Ознакомился, — осторожно ответил «важняк».

— Все понял?

— В общих чертах понял, хотя...

— А теперь послушай другую историю. Правопреемник покойного Вершинина Шангин не так давно обратился к генеральному с просьбой. Можно сказать, конфиденциальной просьбой, хотя и мне о ней известно, и тебе, и еще много кому, наверное... Неважно. У них в Сибири на факте гибели Вершинина и обстоятельствах, с этим фактом связанных, явно кто-то решил поспекулировать.

— Как это?

— В самых высоких тамошних сферах активно муссируется слух о том, что Вершинин сам готовил на себя покушение, в ходе которого совершенно случайно погиб.

— Но зачем ему это и при чем тут я? — поинтересовался Турецкий.

— Причина у него могла быть: например, объявить в связи с покушением, что показатели по оргпреступности в регионе самые высокие по стране, и, заручившись поддержкой центра, начать закручивать гайки. Или, возможно, акция готовилась против какого-то конкретного человека, которого и следовало в организации этого покушения обвинить. Но люди, знавшие Вершинина, в том числе и президент, насколько я понимаю, во все это не верят. А твоя задача как раз состоит в том, чтобы во всем разобраться. Однако генеральный не желает санкционировать широкомасштабную и беспредметную проверку, поэтому тебе поручено возглавить повторное расследование гибели Вершинина.

— Которое Гордеев инициировал?

— Да, по его надзорной жалобе зональный прокурор из уголовно-судебного управления внес протест в порядке надзора в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда России. Протест был удовлетворен и дело возвращено на новое рассмотрение — со стадии предварительного следствия.

— Понятно, я, короче, раскручиваю дело... а если слухи подтвердятся?

— Любая определенность в данном случае гораздо лучше неясности и смутных намеков. Подтвердятся, так и доложишь.

— А ты-то сам что думаешь?

— Ничего. Я Вершинина не знал.

— Хорошо, — продолжал допытываться «важняк», — но ты хоть приблизительно можешь мне сказать, зачем и кому выгодно распускать такие сплетни?

— Не могу и не хочу, — отрезал Меркулов. — На месте разберешься.

2

4 сентября. А. Б. Турецкий

Попутчик с первого взгляда возбудил в Турецком любопытство. Походил он на молодого бультерьера отчасти из-за плотного сложения и почти полного отсутствия шеи, но в большей степени из-за врожденного выражения постоянной готовности к схватке на лице. При этом нисколько не напоминал стандартного «быка», хотя имел все внешние атрибуты: уже упомянутое сложение, стрижку-бобрик, квадратный голливудский подбородок и т. д. Но в его движениях отсутствовала та медлительная наглость, которая служит признаком породы и одновременно неммым опознавательным кодом «свой — чужой». Предложив Турецкому поменяться местами, если тот желает сидеть у окна, сосед немедленно погрузился в чтение «News and World Reports».

Полчаса Турецкий безуспешно пытался уснуть, потом ему надоело мучить себя, и он стал исподволь наблюдать за своим спутником.

— Дмитрий Голик, — отрекомендовался молодой человек, поймав взгляд Турецкого, — я вижу, вы читаете по-английски. Поделиться прессой?

— Александр Борисович, — Турецкий подал руку, — буду благодарен, хотя, по правде говоря, нет настроения читать. Вот если бы вы могли меня загипнотизировать, чтобы я проспал до самого Златогорска.

— Этому искусству не обучен, не волшебник...

— Понятно. И на кого вы учитесь?

— На политтехнолога.

— Забавно.

Голику, похоже, реплика Турецкого показалась обидной, и он вежливо хмыкнул: дескать, ничего забавного, дедуля, ты просто отстал от жизни.

— А вы сами из Златогорска? — поинтересовался Турецкий.

Сосед в ответ коротко кивнул, но потом все же добавил из вежливости:

— Да, из Златогорска.

— Тогда давайте проведем среди меня, как типичного избирателя, социологическое исследование, если не возражаете.

Молодой человек с любопытством посмотрел на Турецкого:

— Каким образом?

— Представьте, что я представитель московской диаспоры в Златогорске, совсем недавно переселившийся в Сибирь на ПМЖ. Через месяц губернаторские выборы, и вы прогрессивный кандидат.

— Значит, не левый, не правый — прогрессивный?

— Не хочу расшифровывать это понятие, чтобы не попасть впросак перед профессионалом. Будем считать, что вы сами так себя называете. Я человек не то чтобы искушенный в политике, но с жизненным опытом и запасом жизненных сил еще лет на двадцать активной деятельности. Такой оптимист, переученный в скептика. Я абсолютно не верю в скорые и решительные перемены, да и вообще в перемены не верю. Ваша задача убедить меня, что так жить нельзя, но ваши соперники не способны решить мои насущные проблемы — один потому-то, другой потому-то. Поименно. Можете считать себя не скованным обычной предвыборной этикой. Вы не должны выдвигать какой-либо собственной программы, не должны мне ничего обещать, но у меня само собой должно сложиться впечатление, что такой грамотный, и, самое главное, несущий ответственность за свои слова человек просто обязан занять губернаторское кресло. Потому что каждый из ныне действующих лидеров ему уступает по тем или иным пунктам. Ну как, справитесь?

— Это интересно, — ответил Голик после некоторого раздумья, — но агитация будет более действенной, если я буду точно представлять, к кому она обращена. Вы хоть немного расскажите о себе!

Турецкий отрицательно покачал головой:

— Не пытайтесь облегчить себе задачу. Вы читали в детстве про похождения Ходжи Насреддина?

— Да.

— Помните, как он, будучи еще ребенком, нашел слабое место в характере земляков и сообразил, как его эксплуатировать?

— Да, конечно. Перед ним встала проблема быстрого и сравнительно честного облапошивания масс. Он ничего не мог придумать, пока не догадался представить тысячи бухарцев в виде одного бухарца-великана. И сразу нашел ответ: большой бухарец любопытен. Тогда Насреддин изловил кота, разбил посреди базара палатку, стал зазывать зевак криками: «Зверь, именуемый кот...» — и началось паломничество. Все, конечно, подозревали, что кот самый обыкновенный — с помойки, но жаждали удостовериться и согласны были выложить последний медяк. По сути, Ходжа Насреддин своим открытием заложил концептуальные основы современных политологии, маркетинга и рекламы.

— Замечательно! — похвалил Голика Турецкий. — Исчерпывающе. Вот и считайте, что я уменьшенная копия большого москвича, вернее — большого сибиряка.

Попутчик отложил журнал:

— Ладно, начали! Итак, я хочу донести до вас следующее: вы, маленький-большой сибиряк, не отличаясь принципиально от прочих европейцев, живете значительно хуже. Во всех смыслах: беднее, неинтереснее и просто меньше. Теперь, правда, вы житель Азии, но и азиаты в сравнении с вами благоденствуют. За исключением тех, что не вырвались пока из состояния первобытной дикости, — те прозябают наравне с вами. Между прочим, самыми неблагоприятными по качеству жизни городами России официально признаны Новосибирск, Златогорск и Казань.

— А критерии?

— Социально-экономические факторы, климат, уровень преступности, качество образования и медобслуживания, экология, общественный транспорт, жилищная инфраструктура, степень личной свободы населения, межэтнические отношения. Исследование проводило всемирно известное консультационное агентство «Уильям Мессерер».

— А где живет лучше всего?

— В Ванкувере, Цюрихе, Вене, Берне, Сиднее, Женеве, Окленде, Копенгагене, Хельсинки, Амстердаме.

— Ха! Из десятка городов три находятся в маленькой Швейцарии! А как же европейские столицы?

— Париж занял двадцать третье место. Лондон — только тридцать четвертое: в основном подвели климат и вечные пробки на дорогах. Правда, в Нью-Йорке жить еще хуже: «столица мира» получила незавидное пятидесятое место. Москва и Питер в списке пятидесяти лучших не оказались. Как не оказались, впрочем, и среди пятидесяти худших.

— Что тоже приятно.

— Да. Зато среди этих худших шесть городов находятся на территории бывшего СССР.

— А самый худший?

— Браззавиль, столица Конго. Но наши-то предки, к счастью, поголовно стали на цивилизованный путь еще два-три поколения назад, так что участь конголезцев нам, наверное, не грозит. Впрочем, я не открываю Америку — просто напоминаю то, что вы сами прекрасно знаете. Потому напоминаю, что вы предпочитаете не думать о том, почему живете хуже других, проблема представляется вам неразрешимой. Человеку, как известно, вообще свойственно

бессознательно подавлять нежелательные мысли — это основа психического здоровья. Если мне удалось вас встряхнуть и повернуть к вопросу беспросветного существования нашего обывателя лицом, давайте обсудим, так ли уж он неразрешим. Конечно, есть вещи, о которых очень трудно договориться, все страдают, но подделать ничего не могут. Например, нельзя быстро выйти из кинотеатра по окончании сеанса. Разве что зал целиком заполнен военными — организованный культпоход. Командир отдаст им приказ: «На первый-второй рассчитайся, первые номера — левое плечо вперед в правый выход...» — и они выйдут быстро. Но почему-то никто им не завидует. Вот. Но кроме таких вопросов есть другие, о которых можно и нужно договариваться, в частности с властью. Власть, естественно, этого не хочет. Она никогда и нигде этого не хочет — по своей природе. Но там, где нас нет, она вынуждена это делать через не хочу. И потому там хорошо. Желаете знать, как в наших условиях ее заставить?

— Избиратель хочет! — подтвердил Турецкий.

— Для этого, господин избиратель, вам придется поработать головой. Выслушать определенную теорию и разобрать примеры. Сначала нейтрально-удаленные, чтобы без эмоций. Это необходимо, потому что одного вашего «жизненного опыта» недостаточно, чтобы понять, как функционирует нынешняя государственная система и как на нее влиять. И только когда теоретический материал будет усвоен, перейдем к вашим насущным и конкретным. К животрепещущим. Еще раз спрашиваю: готовы пошевелить извилинами, господин избиратель?

— Да! Даешь! Да пошел он! Пива налей! — изобразил Турецкий шум толпы.

— Те, кто все знают, пусть сходят за пивом. А остальные пусть слушают. Значит, главный тезис: сегодня решающее влияние на нашу жизнь оказывает большой бизнес. Значительную часть олигархов мы никогда не видели, не только вживую, но и по телевизору. Разумеется, это не означает, что их не существует. Или что наши интересы не пересекаются. До недавнего времени шел процесс формирования ядер промышленно-финансовых групп. Соответственно, олигархи сидели в своем гнезде — в Москве, а страна, как заботливая мать, их выкармливала. Из регионов вывозилась прибыль, но наших птенцов региональный имидж не заботил, их заботил процесс отраслевого раздела сфер влияния. Теперь они стали на крыло и начали поход в регионы, чтобы отраслевой раздел дополнить территориальным. Поскольку местная власть тоже кое в чем поднаторела, она не продается за три копейки первому встречному московскому дяденьке, а стремится оторвать ото всех побольше. Так и выгоднее и надежнее: никто не скажет, что губернатор, полпред президента или кто-то еще продался с потрохами.

— Дмитрий, можно покороче?! — взмолился Турецкий. — Так мы никогда до сути не дойдем! Избиратель начинает вас не понимать.

— Тем хуже для избирателя, — обиженно пожал плечами Голик.

— Примите во внимание неурочный час. Избиратель туго соображает. Давайте примем новую вводную: народ вам поверил и дальнейшие теоретические построения необязательны. Берите быка за рога!

— Ну если учесть ранний час... Ладно. Наша задача принять участие в торге между местными властями и олигархами, чтобы и нам чего-нибудь перепало. Тем более это чего-нибудь мы же своими руками и будем создавать. В Златогорске власть олицетворяют три фигуры: губернатор Михаил Игнатьевич Соловьев, новый президентский полпред Сергей Шангин и директор предприятия № 1 — медеплавильного комбината — Эдуард Сидорович Бутыгин. У каждого в торге с олигархами свой интерес.

Соловьев — типичный номенклатурный политик, ничем не выдающийся. «Правитель слабый и лукавый». Держится только за счет того, что нынешний политический режим — бюрократический по своей природе и опирается именно на такого рода людей. Не будь конкурента со сравнимым административным ресурсом, он мог бы почивать на лаврах. Но конкурент есть — Бутыгин. Соловьеву нужны деньги, деньги и громкие инвестиционные проекты, иначе он выборы проиграет. Беда его в том, что значительную часть денег он получает от медепла-

вильного комбината — то есть в вотчине своего основного конкурента, и крупный инвестиционный проект, способный поднять его рейтинг, возможен как раз на этом самом комбинате, то есть рейтинг Бутыгина он поднимет еще больше. В общем, Соловьеву не до отстаивания интересов избирателей — самому б кто помог. Единственное, что может его спасти в смысле денег, — принятие проекта о размещении на территории Златогорской области предприятий по переработке тех самых ядерных отходов, которые мы с легкой руки наших парламентариев вот-вот начнем ввозить. Тогда инвестиции потекут рекой, можно будет абстрагироваться от Бутыгина, но как к этому отнесутся избиратели, это еще бабушка надвое сказала.

Бутыгин имеет прочные связи в правительстве, — в частности, Шангин, до своего назначения полпредом, еще будучи министром, оказывал ему всяческое покровительство. Теперь Шангину нужно доказать президенту свою полезность на новом месте. Он носит с идеей создания совета министров Сибирского федерального округа. Для начала Златогорской области. Кандидат на пост премьера, — естественно, Бутыгин. Но чтобы новый орган имел какой-то реальный вес, он должен распоряжаться деньгами. Существующие финансовые потоки перенаправить невозможно, вся надежда на будущие инвестиционные. Если Шангин договорится с олигархами, он добьется своей цели. Но что он может пообещать олигархам взамен на инвестиции? Только режим наибольшего благоприятствования, больше ничего. То есть и он будет договариваться за наш счет. Кстати, Соловьев идею регионального и федерально-окружного совмина поддерживает — с той разницей, что премьером хочет видеть не Бутыгина, а кого-нибудь из своих людей. Или себя самого, если проиграет выборы, это его запасной аэродром. Наконец, Бутыгин. Этот настолько хорошо устроился, что ему вообще на избирателей плевать. Что ни случись, все ему на пользу. Год назад комбинат работал плохо, налоги не платил — Соловьев виноват. И в глазах народа, и в глазах правительства. Вершинин навел порядок, комбинат стал перечислять деньги в бюджет — слава Бутыгину. Хотя дополнительные деньги на борьбу с Соловьевым ему все равно не помешали бы. И предложить кредиторам ему точно так же нечего, кроме режима наибольшего благоприятствования в будущем.

А новый человек может вмешаться в схватку титанов, если пообещает олигархам за их деньги социальную стабильность и высокий спрос на их товары прямо в регионе, то есть более высокую прибыль со временем. Но для этого им придется сначала раскошелиться на социальные программы...

— Спасибо, спасибо! — прервал Турецкий собеседника. — Это уже пошла агитация, мы договаривались, что ее не будет. Вы говорили очень убедительно, на выборах я буду голосовать за вас!

Довольный похвалой, Голик снова уткнулся в свой журнал. А Турецкий, чтобы успокоить разыгравшуюся головную боль, выпросил у стюардессы таблетку анальгина и прислонил лоб к холодному стеклу иллюминатора. Когда немного отпустило, он заставил себя проштудировать несколько глав наугад из Сабанеева — неизвестно будет ли в Златогорске время теоретически подковываться в вопросах рыбалки, а расследовать смерть выдающегося рыболова-спортсмена и самому при этом совершенно не разбираться в предмете его хобби глупо и непрофессионально.

3

4 сентября. Н. И. Яковлев

Это, наверно, самая зеленая улица в городе — улица Бонифатьева (первого генерал-губернатора Златогорска), бывшая Бонивура. А вернее, бывшая Бонифатьева. Ведь так она звалась еще до Октябрьской революции. На мостовой до сих пор лежит столетней давности брусчатка, а вот на соседнем проспекте Мира небось асфальт каждые два года меняют.

Гастроном «Центральный». Когда-то Яковлев здесь каждый день пил томатный сок. Стакан — десять копеек. Отличный был сок, между прочим. Это до работы. А после — не грех с напарником и по стаканчику портвейна двинуть. Но это после.

Здесь надо сесть на 17-й трамвай, проехать пять остановок — до кинотеатра «Москва», там по диагонали пересечь два квартала, выйти в Черепановский тупик (Черепанов — красный партизан времен Гражданской, забыли переименовать, хотя, может быть, и не забыли, поскольку у Черепанова был родной брат, белый атаман) — и сразу же, справа, будет стоять хрущевская пятиэтажка. На третьем этаже — двухкомнатная квартира, в которую Алексей Яковлев въехал с молодой женой около тридцати лет назад. Совмещенный санузел, окна на улицу. Теперь там живет его сын с молодой женой. Вернее, молодая жена с сыном, но без мужа.

Гордеев, может, и хороший адвокат, но ни черта он так и не понял, думал Яковлев. Только напакостил. Просил же отозвать жалобу, не послушал, теперь официальное следствие начнется. Вообще не надо было с ним связываться. Хотел ведь как лучше, а получилось как всегда, теперь вот расхлебывать.

То, что Игорь чего-то или кого-то боялся раньше, — это факт. Иначе виновным бы себя ни за что не признал. Но если он все это говорит теперь, значит, уже не боится. По крайней мере, не так как раньше, а значит, на него больше не давят. Единственная возможность что-то сделать, не опасаясь навредить племяннику, — заняться собственным неофициальным расследованием. Но нужно не только добыть неопровержимые доказательства невиновности Игоря, но еще и отыскать настоящего убийцу. А ведь вполне вероятно, что это одно и то же: алиби Игоря невозможно будет предоставить, не найдя убийцу. А убийца наверняка здесь, в родном, до боли знакомом Златогорске, ходит по этим вот улицам и не подозревает, гад, что не долго ему осталось ходить...

Дверь Яковлеву открыли сразу же, словно ждали звонка. На пороге стояла молодая черноволосая женщина, вернее, девушка. В шортах и белой футболке.

— Вы Николай Иванович, — обрадовалась она. — Я Марина, жена Игоря. Входите же! Я вас в окно высмотрела.

— Здесь все изменилось, — обронил Яковлев, снимая сумку с плеча. — Все было по-другому.

— А мы ремонт сделали, — радостно сообщила Марина. — Совсем недавно, до того как... ну... Ой!!!

Это вслед за Яковлевым в квартиру зашел Артуз.

— Не бойся, — успокоил хозяин и сделал едва заметное движение пальцами.

Ротвейлер тут же лег в передней.

— Обедать будете? Для пса тоже что-нибудь найдется.

— Умница. Будем.

Прошли на кухню. Марина возилась у плиты, Яковлев рассматривал фотографии, которых в избытке хватало на стенах. В основном там были родители Игоря. На одной Яковлев увидел себя рядом с братом, в такой же милицейской форме, только на одну звездочку на погонах у него было меньше, чем у Алексея.

— ...А мне мама говорит: живешь в Сибири, стыдно пельмени не уметь делать, — тарак-тела Марина у плиты. — А мне вот не стыдно, мне повезло, что Игорек тоже их не любит, а я ему зато, — тут она запнулась, — а он... а я... — И зарыдала.

Это было так спонтанно и неожиданно — еще пяти минут не прошло, как он вошел, — Яковлев открыл рот и несколько секунд не знал, что сказать. Затем встал, шагнул к хозяйке, но его опередил Артуз. Он неслышно появился на кухне и негромко, но явственно заворчал. Марина осеклась и испуганно отодвинулась. Яковлев обрадовался и сказал, кивая на собаку:

— Он этого терпеть не может. Особенно когда голодный. Так что займемся лучше обедом.

Полчаса спустя, умиротворенные и слегка разомлевшие после сытного обеда, они вели отвлеченные беседы. Выяснилось, что ребенка (Алексея Игоревича, 13 месяцев) Марина несколько дней назад отправила к матери, что сама она занимается астрологией и что ничего нового сверх сведений, уже имеющихся у Яковлева, сообщить ему не может — об Игоре. Зато может сообщить много нового о нем самом — Яковлеве-старшем.

— Вот вы, Николай Иванович, когда родились?

— Двенадцатого ноября.

— Нет, я год имею в виду.

— В сорок первом.

— Ага, ровесник войны, так сказать. Значит, вы у нас — змея.

— Это почему же змея? — даже немного обиделся Яковлев.

— Сорок первый год — год Змеи. Это по японскому календарю, — объяснила Марина. — Змеи — люди сложные, но от рождения наделены мудростью.

— Хм.

— ...Неразговорчивы. Их дела всегда идут прекрасно, но они часто скуповаты. Иногда... эгоистичны и тщеславны. Однако могут проявлять активное участие в своих менее удачливых собратях. — Тут Марина посмотрела на Артуза, а Яковлев подумал о племяннике. — Правда, они часто перегибают палку, не веря суждениям других, полагаясь только на себя. Решительные и целеустремленные характеры, остро переживающие свои неудачи. Внешне спокойные, но страстные натуры. И еще вот что. Обычно отличаются привлекательностью внешней и внутренней, что при некоторой их ветрености ведет к семейным осложнениям.

— Каким семейным осложнениям? — Яковлев удивленно поскреб себя по лысому черепу, а про себя подумал: да это, пожалуй, подходит любому сыщику. — Я же вроде не женат.

— Это же не индивидуальный гороскоп. Это просто качества, которые в совокупности больше всего подходят к тем миллионам и миллионам людей, которых угораздило родиться в год Змеи.

Зазвонил телефон, Марина ушла в комнату. Николай Иванович допивал чай, соображая, с чего бы начать свое расследование. Марина ему явно не помощница, в тезисах Гордеева, составленных по материалам дела, по сути, никаких зацепок нет...

— Марина, мне бы надо поговорить с вашим братом, — попросил он, когда она вернулась. — Где я могу его срочно найти?

— С Витькой? Я так и думала, что вы этого захотите, только я даже не знаю, чем вам помочь. Он пару дней как из Москвы вернулся, пригнал грузовик — он у нас дальнбойщик, и ушел в запой. Но я, честное слово, не знаю, где и с кем он пьет.

Да, кое-что из сказанного ею уже было известно Николаю Ивановичу. Но его не оставляло ощущение непонятной растерянности: надо же, как тесен мир!..

— Простите, Марина, а ваша девичья фамилия?... — смущенно спросил он — стыдно таких вещей не знать о самых близких людях.

— В девичестве я Ключевская, Николай Иванович, только что же вы все время на «вы», мы же родственники все-таки.

— Больше не буду, — пообещал он. — Может, дашь мне адрес Виктора или какие-нибудь координаты его друзей?

— Конечно. — Она набросала на тетрадном листке несколько адресов и телефонов. — Только не вздумайте в гостиницу ехать! Я вас не пушу. Тут же места достаточно. И мне не так тоскливо будет. Ну пожалуйста!

— Хорошо, а пока мы пойдем с Артузом пройдемся.

— Николай Иванович, дядя Коля, чуть не забыла, стойте-стойте, это очень важно!

Яковлев, уже спускавшийся по лестнице, остановился, посмотрев на Марину с надеждой, — может, вспомнила что-то важное про Игоря?

— У вас все обязательно получится! У нас же сейчас год Змеи!

4

4 сентября. А. Б. Турецкий

В Златогорске уже наступила глубокая осень. Солнце слепило глаза, однако эта показуха не могла никого обмануть, как почетный караул и хлеб-соль к трапу для высокого, но нежеланного гостя. Горизонт был обложен плотными, расплюснутыми собственной тяжестью, по краям взлохмаченными ветром облаками, местами сизыми, местами иссиня-черными, но одинаково угрюмыми и по-осеннему скучными. Раскисшие бурые листья липли к бордюру у выхода на летное поле. Почетного караула не было.

Турецкого вообще никто не встретил. Минут десять он бесцельно переключал всякую мелочь в кармане дорожной сумки, стоя на видном месте и глядя в спины торопливо удаляющимся попутчикам, — никто так и не объявился. Конечно, можно было подойти к дежурному или в отделение милиции аэропорта, позвонить в прокуратуру — одним словом, показать себя столичным барином, обидевшись на то, что ему не оказали подобного приема. При необходимости он мог сыграть почти любую роль, только не эту, не столичного барина или, хуже того, столичного умника, с элегантно-небрежностью зароняющего в иссохшие умы провинциальных лапотников семена цивилизации. Ему и в молодости все это претило, а со временем стало просто передергивать от подобного поведения некоторых коллег. Полчаса ничего не решают, убеждал себя Турецкий, все равно попал бы в прокуратуру к началу перерыва, а если машину не прислали намеренно, не по головотяпству, тогда тем более не следует поднимать хай. Возомнят еще, что меня такой чепухой можно выбить из колеи, — тогда пиши пропало, придется воевать из-за каждой мелочи. Чудненько и на метро доеду.

Когда он вышел из метро, уже вовсю лил дождь.

Областной прокурор Жмаков его ждал.

Турецкий увидел его впервые около двух месяцев назад — в Генпрокуратуре был большой сбор, обсуждали судебную реформу и отношение к ней прокурорского корпуса, и Жмаков с трибуны толкал речь об ущемлении прав, которых прокуратуре и так не хватает. Еще тогда «важняк» поймал себя на мысли: встретить этого человека на улице, догадался бы без особых усилий, кто перед ним. Типаж великолепный, просто сошедший с картинки. Человек, возглавляющий прокуратуру криминально-беспредельного региона. Лучше кого бы то ни было понимающий, что здесь к чему, откуда у беспредела растут ноги, но, несмотря на это, а точнее — благодаря этому, источающий уверенность в себе и в завтрашнем дне.

Сегодня прокурор был совсем другой, дружелюбно-подозрительный и невообразимо сосредоточенно-деловитый. Соответственно и разговор вышел предельно коротким. Прокурор поздоровался и поинтересовался, кивнув на мокрый плащ, не подмочил ли «важняк» порох в пороховницах (из чего Турецкий сделал вывод, что не встретили-таки его в аэропорту не вследствие банального разгильдяйства, а по прямому указанию хозяина кабинета). После этого Жмаков пододвинул к Турецкому несколько папок с личными делами и, уткнувшись в бумаги, пояснил:

— Это сотрудники, которые занимались делом Яковлева. — Мог бы сказать: «делом Вершинина», прокомментировал про себя Турецкий, позиция, дорогой товарищ, знакома до боли: все у нас в ажуре, но в Москве кому-то делать нечего, шлют проверку за проверкой. — Я получил особое указание, — продолжал прокурор, — любое ваше пожелание по кадровому составу группы мне надлежит оформить в виде приказа, так что выбирайте себе в помощники кого хотите и сколько хотите. В пределах разумного, конечно. Следователей, как вы, надеюсь, понимаете, у нас ограниченное число и у каждого дел по горло.

— Буду скромненький, — пообещал Турецкий.

— Кабинет вам освободили, чувствуйте себя как дома.

Турецкий сгреб личные дела под мышку, но прокурор его остановил:

— Через десять минут, нет, уже через семь, я обязан доложить генеральному, что приказ о создании следственной группы подписан. Поэтому, Александр Борисович, почувствуйте себя как дома прямо здесь.

Так вот к чему все эти церемонии! — усмехнулся про себя Турецкий. Задержись я еще на семь минут — и мое мнение было бы как «мнение народа»: выявлено и узаконено без всякого моего участия. С намерением взглянуть хотя бы на стаж кандидатов в помощники и на их фотографии он открыл первую папку и понял, что выбор сделан. На снимке старательно хмурилась восхитительная южная красавица. Что-то она Турецкому напоминала, бесконечно далекое, из ранней юности, ему даже показалось, он вспомнил, что именно: иллюстрацию к «Герою нашего времени» — Бэла на берегу ручья... если там была такая иллюстрация. Добрых тридцать лет прошло. Оправдавшись в собственных глазах сроком давности, он бегло изучил анкетные данные: «Циклаури Лия Георгиевна 1974 г. рождения, уроженка Златогорска... в 1996 г. окончила Московский государственный университет...» Ну что ж, наверняка толковая девушка. Правда, работает в прокуратуре всего четыре года, но абы кого на дело об убийстве полпреда президента не поставили бы, даже заворотным бэком, тем более — рабочей лошадкой. А кроме того, некоторый недостаток опыта — это даже неплохо, если рядом есть «старший товарищ». И «старшему товарищу» приятно... Чем моложе, тем неангажированнее, приструнил сам себя Турецкий. Пролистав для виду остальные папки, он вручил прокурору личное дело Лии Циклаури.

— Одного человека будет вполне достаточно. Она работала по делу от начала до самого конца?

— Не помню. А это как-то повлияет на ваш выбор?

Турецкий решил считать вопрос риторическим, кивнул и, быстро развернувшись, чтобы не встречаться со Жмаковым взглядом, вышел из кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.